

Сергей КРИВОРОТОВ

ХОЛЕРА

Документальная повесть

*«Закрывает Кавказ, горит «Аэрофлот»,
И в Астрахани лихо жгут арбузы...»*

Владимир Высоцкий, «Песня про холеру»

1. ТЕПЛОХОД «ПАРИЖСКАЯ КОММУНА»

Это даже не рассказ, а всего лишь бусины уцелевших воспоминаний, нанизанных на тонкую нитку времени, поблекших и потёртых, но сохранённых вопреки многим обстоятельствам. Хотелось, чтобы он оказался чистым глотком после хлорированной, подобно водопроводной воде, дезинформации и многолетнего старательного замалчивания тех событий.

Рейсовый теплоход о двух пассажирских палубах основательно нагрузили сверху деревянными ящиками с помидорами и яблоками. Он заметно просел под весомым грузом, как тяжелоатлет, попытавшийся поднять штангу, явно выбранную не по его категории. Причём настолько, что казалось, ещё немного и черпанёт воды обоими бортами поверх ватерлинии. Приди только боковая волна побольше — и беды не миновать, помидоры и яблоки достанутся речным рыбам. Да только откуда же ей взяться на здешней волжской глади в летнее совершенно безветренное утро без единого облачка в голубом разливе неба?

Те же случайные редкие и мелкие от будоражащих поверхность широкой реки моторок, водных трамвайчиков, «ракет», «метеоров» он легко и небрежно разрезал своим белым упрямым носом.

Теплоходик выглядел достаточно древним и, возможно, когда-то производил внушительное впечатление на фоне деревянных парусников, баркасов и барж, давно уплывших в прошлое. И хотя пыжился сохранять гордый независимый вид рядом с трёхпалубными собратьями, пришвартованными у туристической и семнадцатой пристаней, сразу становилось заметно, что его лучшие времена давно и безвозвратно ушли.

Много позже знакомый работник речного порта рассказал историю этого судна. Оно оказалось техническим достижением и далеко не единственным отечественного кораблестроения в годы Первой мировой войны. Да и название поначалу гордо носило монархическое вполне в духе тех лет перед самым изломом миропорядка — «Царь Иоанн Грозный». После революции и гражданской войны, сменив несколько наименований в угоду победившему пролетариату, его украсили окончательно выбранным — «Парижская коммуна».

За десятилетия советской власти ничего подобного в стране так и не построили. Сходившие в последние годы с гэдээровских, чехословацких и венгерских ступеней белоснежные красавцы высокомерно взирали всеми стёклами рубок и кают, имевшихся на двух или трёх палубах, на убого выглядевшего рядом с ними недомерка неопределённого возраста и значимости. Слишком явно ветеран внешне принадлежал минувшему времени.

Настолько древне и отличительно смотрелся он на фоне молодых собратьев, что, казалось, приделай ему сейчас пару лопастных колёс по бокам — полностью сойдёт за одного из своих легендарных предков, с прошлого века до совсем недавней поры бороздивших воды великой русской реки под угольно-дымными шлейфами из прокопчённых труб. Только никто ещё не знал, что и эти трёхпалубные гордецы всего через несколько лет потеряют своё теперешнее величие рядом с должными вскоре появиться четырёхпалубными громадинами. А для старенькой «Парижской коммуны» и вовсе сравнение с такими красавцами станет неизмеримо не в её пользу.

Тем не менее, много лет назад добротный сработанный двигатель позволял судну без особого напряжения двигаться против течения. А путь ему предстоял неблизкий — аж до самой столицы.

Под трубно-бравурные звуки «Прощания славянки» тяжелогружёное, хотя и пассажирское, судно плавно, не без некоторой поначалу натуги рассталось с берегом. Всё чаще в такие моменты повсеместно звучала более подходящая и задушевная

«Как провожают теплоходы» в исполнении сладкоголосого Эдуарда Хилия. Но здесь и сейчас новая песня ещё не заменила известного марша для проводов и прощаний, написанного несколькими годами раньше, чем спустили на воду самого «Царя Иоанна Грозного».

За кормой уплывала широкая асфальтированная полоса набережной с почётным караулом бетонных столбов с фонарями и зелёной стены парка семнадцатой пристани.

Но этот небольшой неспешный трудяга имел одно немаловажное преимущество перед смотрящими на него свысока более продвинутыми потомками. Билеты на двухпалубный рейсовик продавались по несравнимо низкой цене, нежели на такие же более комфортабельные трёхпалубные, не говоря уже про ходившие чисто туристическими маршрутами.

Потому-то Максим и оказался именно на этом теплоходе, отправившись с матерью в гости к её подруге по институту, давно перебравшейся жить и работать в Москву. Четырёхместное помещение второго класса на нижней палубе пришлось делить с двумя незнакомыми тётками. Из их каюты прекрасно смотрелись проплывавшие мимо берега, заросшие ивняком и нескошенной травой, на которых время от времени попадались пасущиеся стада коров. Гораздо хуже приходилось тем, кто занимал самые дешёвые места в третьем классе, почти в трюме. Из маленьких круглых иллюминаторов над водой многого не увидишь.

Впрочем, до самого Волгограда смотреть особо оказалось не на что. Да и зелень Нижнего Поволжья имела довольно блеклый, привычный глазу оттенок и постепенно приобретала более насыщенный цвет только по мере продвижения на север. Ничего удивительного, сказывалось южное безжалостное солнце и сухой резко континентальный климат Прикаспийской впадины. Виденное сейчас на берегах с борта теплохода великолепие растительности представляло собой лишь оазисы, вытянутые по рукавам Волги с её разветвлениями. Эти животворящие артерии со всех сторон окружали невидимые отсюда пространства степей, переходящих в полупустыню и настоящую пустыню с песчаными барханами. Там произрастали в основном различные солелюбивые травы со скрытой от глаз подземной корневой частью, превосходившей видимую на поверхности в десять-двадцать раз.

Впрочем, за исключением завтрака, обеда и ужина в теплоходном ресторане (комплексное питание со скидкой входило в стоимость билетов), Макс старался всё время проводить снаружи, благо погода к тому располагала. Но сколько ни выматривал по сторонам, ничего особо интересного, кроме нескольких сараюшек или стад разного рогатого скота, заметить не удавалось. На казённом складном алюминиевом стуле, который он успел застолбить, не спеша перечитал два прихваченных в дорогу номера еженедельника «За рубежом». По одному за день, чередуя чтение с разглядыванием проплывавших мимо берегов. Теперь он был в курсе текущих происков империалистов и самых новых достижений мировой научной мысли. С переменным успехом сразился в шахматы с искавшим достойного партнёра пожилым пассажиром. Но потом предпочитал всё же кампанию ровесников, если им не хватало шестого для подкидного дурака. Словом, первое время по понятиям Максима на теплоходе царил скука смертная.

Зато после Волгограда пошло разнообразнее и веселее — каждый день новый город. С крупными за время многочасовой остановки можно было успеть познакомиться поближе, нередко даже экскурссии от пристани предлагались. Только Максим предпочитал не ходить с раскрывшей рот публикой за гидом, грузившим всякими ненужными сведениями. Впечатлений от увиденного и так хватало, даже не всё запомнилось.

Самой широкой, на его взгляд, Волга оказалась в Горьком, впечатлили мощные стены и башни Нижегородского кремля. Куйбышев предстал бестолковым скопищем хаотично снующих толп и транспорта на улицах.

Больше других понравился Ярославль; хотя по численности населения уже перегонял Астрахань, но воспринялся гораздо более компактным и аккуратным. Кремль его с куполами соборов выглядел миниатюрнее и красивее, чем в других увиденных до того волжских городах. К удивлению Максима, за два-три часа на улицах Ярославля он увидел больше симпатичных девчушек, чем за всё время в более густонаселённых Горьком, Куйбышеве и Волгограде. Определённо, на его вкус здешние девчонки смотрелись внешне гораздо красивее своих ровесниц всего Поволжья, не считая родного города. Ну, с Астраханью это объяснялось смешением кровей разных народов, а вот что привело к такому результату в Ярославле — навсегда осталось для него загадкой.

Почти везде, где швартовалась «Парижская коммуна», встречали стоящие вдоль набережных железные лотки с навесами, с таких в Астрахани обычно продавали мороженое. Сейчас прибывавших транзитом пассажиров манили выставленные

на них батареи бутылок с дешёвыми креплёными винами. «Плодово-ягодное», «Лучистое», «Анапа», «Рубин», портвейны с двухзначными номерами. Никуда не надо бегать и искать, так сказать, наглядная забота о народе.

— Пароход из Астрахани пришёл! — вдохновляющая весть летела на невидимых крылышках от одного прилавок к другому и дальше, пока не затихала в дальнем конце их длинной череды. Не хватало только криков «ура!» и чепчиков, подбрасываемых в воздух, которые вполне уместно дополнили бы широкие улыбки продавщиц. Работницы торговли в расчёте на скорое перевыполнение плана продаж радушно встречали целеустремлённо сходящих на сушу водных путешественников.

А те прежде всего торопились сделать необходимые запасы на ближайšie день-два. Ничего удивительного в том совершенно не усматривалось. На всех пассажирских теплоходах, курсировавших по Волге, алкоголь продавался исключительно по ресторанным наценкам.

С момента разлуки «Парижской коммуны» с причалом семнадцатой пристани в Астрахани на её борту находился полусамодельный вокально-инструментальный ансамбль. Три гитариста и ударник направлялись на гастроль куда-то в верховья Волги. Каждый вечер они вытаскивали свою нехитрую аппаратуру, две колонки с усилителями и «кухню» из трёх барабанов с тарелками на кормовую площадку второй палубы, разматывали провода и начинали репетицию. Играли они не шибко мастерски, но довольно сносно, все незначительные огрехи гитар заглушались грохотом не джазового, а вполне рокового барабанщика, к полной радости присутствующих.

Фактически они устраивали полновесные бесплатные концерты, к удовольствию не только молодёжи, но и гораздо более почтенной публики. Главным оказался не уровень их исполнения, а пёстрый репертуар, лишённый обычного однообразия и угождавший самым разным вкусам. Вряд ли такие вещи им разрешили бы играть где-то на гастролях. Но здесь не оказалось ни худсовета, ни представителей областной филармонии, и ребята отрывались от души по полной программе.

Вполне ожидаемо они начали разогрев с известных антоновских песен, без которых не обходилась ни одна танцплощадка страны. Их дополнили «Пароход, белый-беленький» и «Ты у меня одна». Однако дальше, к удивлению и восторгу Максима, прозвучали безошибочно узнаваемые с первых аккордов две-три ранние битловские вещи. А следом уже совершенно неожиданно пошёл известный медлячок Энималз «Дом восходящего солнца» с русским самопальным текстом: «Ты опять в зубах травинку держишь, голову чуть набок наклони...» Его сменил бешеный ритм американских Манкиз, от которого уже никто не смог спокойно устоять на месте.

Максим приходил на корму не ради танцев, да и особо привлекательных девушек он тут пока не увидел. Была ещё одна важная причина, по которой он не собирался подыскивать себе временную подружку, ему и одному было пока неплохо. Три месяца назад он познакомился с симпатичной ученицей девятого класса. Сначала они встречались по субботам и воскресеньям, оказалось настолько интересно проводить время вдвоём, что задействовали вечера по средам. Как она ему ни нравилась, но Максим всё больше замечал, что старшеклассница Наташа начинает занимать в его жизни слишком много места, превращается не то в привычку, не то в болезненное пристрастие. И это его всё больше беспокоило. Когда подвернулась возможность поехать в Москву, он сразу воспользовался, рассчитывая за это время спокойно разобраться в своём отношении к Наташе, проверить, насколько сможет обойтись без неё. Возможно, идея изначально оказалась совершенно идиотской, потому что уже здесь на теплоходе он начал по ней всё больше скучать.

Сейчас ему нравилось, как неизвестные ребята смело наяривали на своих инструментах то, что им самим хотелось, поскольку никто сейчас на них не давил и не указывал, что можно и следует исполнять. На теплоходе они почувствовали себя свободными от опеки администраторов и играли исключительно в своё удовольствие. Их заразительная энергетика позволяла забыть о полублюбовительском уровне и снисходительнее к тому относиться. Тем более, никакая конкуренция им не грозила, они оказались здесь единственным ВИА.

После самодеятельных танцев, против которых не возражали ни капитан, ни команда, музыканты собирали свой реквизит и удалялись в свою каюту. А молодёжь поднималась на самую верхнюю палубу — несколько компанейских девчонок и с десяток ребят, включая Максима. Все они оказались примерно одного возраста с небольшим различием. Там уже привычно располагались на ящиках с яблоками и помидорами, появлялась захваченная в путь поляя гитара Апрелевского завода, под её негромкое треньканье кто-то напевал знакомые с детства дворовые песни.

Если вдруг возникли струнные звуки мгновенно узнаваемой мелодии битлов — то воспринималось музыкальной молитвой, преодолевшей границы и отгороженность от большого мира и объединившей всех, кто сейчас собрался тут, посредине широкой реки.

Двух-трёх бутылок вина и пачки сигарет, пущенных по кругу, хватало на весь остаток вечера. Пили по глотку, не торопясь, просто для поддержания компании, а больше и не хотелось. Дармовая закуска в избытке находилась под рукой. Стоило отогнуть верхнюю или боковую дощечку от ящика, и вот на тебе — хочешь крепенький пикуль, наиболее пригодный для транспортировки, хочешь — астраханское яблочко, вовсе не сорт яндыки для скорейшего употребления и быстро сходявший недели за две. В общем, небогато, но какой-то всё же выбор, да ещё и бесплатный. Бери сам и угости соседку или соседа.

На открытой верхней палубе, не предназначенной для прогулок пассажиров, а теперь и занятой грузом, было прохладно. Лёгкий ветерок из-за движения теплохода сдувал редких мошек и комаров, которые тогда ещё не стали бичом здешних мест из-за настроенных плотин, хотя и приближались к тому с каждым годом. Мимо проплывали тёмные берега с редкими электрическими огнями, то тут, то там в ночи тепло и маняще светились редкие костры рыбаков.

Выше Волгограда на берегах с каждым днём появлялись признаки более бодрой жизни вместо унылых пейзажей Низовой Волги. Никто никуда не торопился. Было здорово вот так вповалку полулежать в полумраке на ящиках, смотреть на светящиеся неяркие огоньки рубки, встречных бакенов и редких строений на берегах. Подпевать самодеятельному барду или просто слушать знакомые или незнакомые напевы. Иногда для разнообразия включали принесённый кем-то транзисторный «Океан», послушать на Би-би-си «Севооборот» Севы Новгородцева или час рок-музыки по «Голосу Америки». Здесь отсутствовали городские глушилки, и на коротких волнах ловилось без помех. А про музыкальное радио Монте-Карло на средних и говорить нечего — чуть ли не студийное качество. От города к городу состав собиравшейся компании незначительно менялся, кто-то сходил, кто-то садился на теплоход. Но парень с «Океаном» стойко оставался, как и Максим, до самой Москвы.

Вот по его-то приёмнику в один из вечеров на верхней палубе уже за Саратовом, ближе к Куйбышевскому водохранилищу они услышали ошеломительное известие на короткой волне русской службы Би-би-си. Новость убедительно прозвучала в сводке, резанув уши знакомым названием:

— В астраханских трущобах вспышка эпидемии холеры!..

И никаких подробностей. Только пояснили, что выявлены случаи заболевания. Довольно обидно прозвучало для астраханца такое определение родного города, да ещё на весь мир. Но если подумать... До сих пор полумиллионная Астрахань оставалась большей частью деревянной, городом с сохранившейся дореволюционной застройкой. Начавшие возводиться с 50-х годов кирпичные, а затем крупнопанельные дома далеко не поменяли общую убогую картину и пока смотрелись, скорее, как исключения на общем унылом фоне. Возможным обещанием лучшего будущего для проживающих безо всяких удобств.

Во время наступления фашистов на Сталинград её бомбили всего два или три раза, причём бомбёжки были неинтенсивными, скорее, для острастки. Иначе две-три прицельно брошенные зажигательные бомбы могли выжечь половину города, который немцы намеревались взять сохранённым для дальнейшего использования. Они рассчитывали, что после падения города Сталина южный сосед свалится к ним в руки спелым яблочком с ветки. Другое дело Сталинград, ставший для них главной целью наступления летом 1942 года. После варварских бомбёжек и боёв за каждый квадратный метр в городе не уцелело ни одного строения, даже от единственного, превращённого потом в мемориал дома геройского сержанта Павлова остался лишь опалённый остов с выбитыми окнами.

Если посмотреть на карту, то захват Астрахани представлялся более логичным для перерезки пути снабжения центра России бакинской нефтью. Но удар по Сталинграду преследовал и другие цели, казавшиеся куда важнее фашистскому руководству. Город Сталина виделся символическим оплотом после Москвы всей советской обороны. Его взятие означало бы крупнейшую идеологическую победу в войне.

Имелись и другие мало кому известные соображения. Близлежащие к Сталинграду территории представляли в глазах склонных к мистицизму нацистских лидеров во главе с фюрером своеобразный центр эзотерических сил. Так, им было прекрасно известно, что расположенная южнее гора Богдо, очень условно так называемая, высотой всего в полтора метра, является священным местом для буддистов. И не только это. Словом, никакой альтернативы удару по Сталинграду немецким командованием, похоже, не рассматривались. Как бы то ни было, но Астрахань оставалась городом, сохранившим и спустя четверть века после Победы деревянную застройку дореволюционных времён.

Максим проживал с дедом, бабушкой и с их дочерью — его матерью — в двухэтажном здании бывшей полицейской управы в самом центре. На этой же

улице в двух кварталах в сторону кремля располагался обком партии, а совсем рядом драматический театр. Булыжную мостовую, пересекавшую её под прямым углом и отделявшую дом Максима от театрального общежития, залили асфальтом к 400-летию города. Максим пошёл тогда в первый класс.

В построенной ещё в прошлом веке каменной двухэтажке теперь размещались полтора десятка семей. Наружными окнами она выходила на Морской сад с памятником морякам гражданской войны, отделённый от неё проезжей частью центральной улицы. При взгляде на здание Максима из этого сада или сквера лицевой фасад очень сильно напоминал архитектурным стилем известный дом Ленина в Горках с колоннами, то есть смотрелся с этой стороны очень даже представительно. Его иногда подкрашивали – по этой дороге со стороны железнодорожного вокзала случалось и высоким гостям из Москвы проезжать. Но вид задней, выходящей во двор облупленной части им бы уже ни за что не показали.

Только лет десять, как в квартиры дома провели водопровод, до этого единственная общая колонка находилась во дворе. Примерно тогда же протянули газовые трубы и поставили четырёхконфорочную плиту с листом асбеста на стене, который, как потом оказалось, представлял немалую опасность для жильцов. Паровое отопление оставалось мечтой. До сих пор печки у всех топились дровами, запасаемыми каждый год с осени в деревянных сараях. Максим любил их колоть особенно в мороз, когда они с громким стуком легко разлетались надвое под наточенным колуном. Здорово было смотреть, как они горят в печи, и помешивать их кочергой! Одну зиму попробовали топить антрацитовым углём, вроде бы дешевле, но от сильного жара чугунные колосники потрескались, и пришлось от этого топлива отказаться.

Деревянная уборная на шесть кабинок, продуваемая через щели всеми ветрами, а зимой ещё и присыпаемая сверху через них снегом, возвышалась во дворе над помойной ямой, в которую сливали нечистоты. Неподалёку раскорячился убогий курятник из подгнивших досок наподобие избушки Бабы-Яги только без курног, с приткнувшимся загончиком под натянутой сеткой. А над одним из сараев по соседству высилась фанерная будка голубятни с высоким шестом и поперечной жердиной над ней.

К длинному коридору первого этажа с охваченными вьюнами колоннами примыкали огороженные штaketником палисады с мальвами, подсолнухами, кукурузой и прочей бесполезной зелёной растительностью, в которой совершенно по-шпионски иногда проглядывала конопля. Бодрый и наглый петух будил по утрам своим настырным кукареканьем, куры постоянно склочно кудахтали. А высоко над электрическими проводами, натянутыми со стороны улицы на деревянные столбы, как гитарные струны на колки, высоко в небе почти каждый день кружила голубиная стая.

Так и получилось, что в одной фразе забугорного голоса, как бы обидно она ни прозвучала на слух для астраханца, далась ёмкая характеристика городу, в котором родился и жил Максим.

Но не это показалось главным. Про холеру сообщили как бы мимоходом, словно она представлялась чем-то отдалённым, вовсе не опасным и незначительным. Разумеется, не чума, например, остававшаяся паническим напоминанием истории. Максим вовсе не подумал тогда, что эта полузабытая болезнь, передающаяся только с водой или пищей, может чем-то серьёзно угрожать им.

Позднее выяснилось, что «Парижской коммуне» повезло – теплоход оказался последним успевшим проскочить из Астрахани до карантина. Уже вышедший следом спустя всего несколько часов задержали в Волгограде, а всех его пассажиров отправили на обсервацию.

2. В МОСКВЕ

Последние часы тянулись томительно медленно, поневоле многие пассажиры начинали подозревать, что прохождение «Парижской коммуны» по каналу Москва-Волга специально затягивают. Возможно, в верхах решали и никак не могли решить, что делать с теплоходом из холерной Астрахани, да ещё с грузом помидор и яблок?

Даже когда вышли на простор Химкинского водохранилища, скорость продолжала оставаться черепашейей. К пристани северного речного вокзала столицы близко не подошли, покрутились в нескольких сотнях метров в виду его здания и бросили якоря. Никаких объявлений по теплоходному радио не последовало, вообще никому никто ничего не объяснил. Похоже, начальство на верхних уровнях продолжало ломать головы, как поступить с опасным судном. Поползли тревожные слухи, что теплоход со всеми пассажирами поставят на недельный карантин на этом самом месте.

Сначала Максим с интересом разглядывал необычное здание вокзала, явно возведённое в довоенные годы. Похоже, архитекторы задумывали его как двухпалубный

пассажирский теплоход с арочными проёмами на обеих палубах. И определённо такого сходства достигли. Над плоской крышей возвышалась четырёхгранная башня-мачта, на каждую из плоскостей которой выходил круглый циферблат часов. Её венчал внушительный многометровый шпиль с огромной рубиновой звездой на конце. Позже на суше осмотрев вокзал со стороны Ленинградского шоссе, Максим решил, что он сильно напоминает и павильоны ВДНХ, построенные в сталинские довоенные пятилетки. Но за время неопределённого ожидания вид речного вокзала, к которому, судя по всему, их решили сегодня не допускать, успел опостылеть до невозможного.

Только через шесть часов к по-прежнему стоявшей на якоре «Парижской коммуны» приблизилась красно-чёрная мусоросборная баржа, и все до единого ящики с овощами и фруктами с помощью кранов отправились в её вместительный трюм. Часть швыряли матросы из команды, чтобы быстрее закончить с предписанной процедурой. И то, что некоторые в щепки разбивались уже об железо баржи, перед тем как провалиться в её ненасытное нутро, похоже, совсем никого не беспокоило.

Капитан объявил, что никого не выпускают на берег, пока пассажиры не сдадут имеющееся у них съестное, в том числе арбузы, дыни, овощи, фрукты-ягоды. На консервы и фабричные упаковки продуктов такое требование не распространялось.

К этому времени знакомый по ночным посиделкам на верхней палубе заверил Максима, что возбудители холеры сохраняются на кожуре невымытых плодов от силы 5-6 дней, а на прямом солнце и того меньше. Это очень походило на правду. Изучать микробиологию Максиму предстояло только на следующем курсе. Выходило, варварская операция уничтожения продуктов сильно отдавала полным кретинизмом. Он обменялся с несколькими встреченными на палубе ребятами из их же компании московскими номерами телефонов и адресами, прекрасно зная, что никогда больше с ними не увидится. Но такое отвлекло от тягостного ожидания, да и время помогло скоротать.

У Максима с матерью оставался запас крепких помидорин в двух авоськах, расчётливо взятых в дорогу ещё зелёными и только теперь начавших краснеть и приготавливаться к употреблению. Ими намеревались угостить семью московской подруги, теперь, скрепя сердце, пришлось отправить вслед за остальными астраханскими дарами. Но вот арбуз небольших размеров, который стойко берегли весь долгий путь как истинно астраханский гостинец, Максим ни за что не захотел отдавать на казнь вместе с прочим. Очень удачно круглый полосатик вписался в их чемодан, даже бока почти нисколько не выпячивались. С ним туда же спрятались несколько чалок сушёной воблы, завёрнутых в полиэтиленовые мешочки.

После того как верхнюю палубу полностью очистили от груза, а пассажиры в принудительно-добровольном порядке избавились и от своих запасов, насытившаяся баржа довольно заурчала двигателем и отошла. Больше никакого движения вокруг не происходило ещё с час. Опять поползли зловещие слухи о карантине.

Когда «Парижская коммуна» наконец-то подняла якоря и неуверенно поползла в сторону Химкинского вокзала, все восприняли это с облегчением и вздохнули свободнее.

Однако после швартовки к причалу сойти на сушу дали не сразу и только после тщательной проверки документов с билетами, переписи адресов, по которым прибывших искать в Москве, и досмотра личных вещей. Тем, кто припрятал продукты в сумках, авоськах и пакетах, пришлось с ними немедленно расстаться, иначе не выпускали. Максиму повезло — по запертым чемоданам не рылись, и милиционеры с медиками в помятых за день не совсем уже белых халатах отстали после отметки в бумагах. Он и так всю старался нести свою ношу, делая вид, будто набитый чемодан совсем не тяжёлый. И ему это отлично удалось.

Со следующего дня каждое утро почти точно в 9.00 к ним на квартиру являлась озабоченная медсестра средних лет при халате и шапочке, с порога спрашивала, как они себя чувствуют, как стул, нет ли тошноты или головной боли? Измеряла температуру ртутным градусником и делала запись в своём талмуде. На этом обязательный осмотр оканчивался, и проверяемые предоставлялись сами себе до следующего контроля. Ещё при посадке в Химках Максима с мамой предупредили, чтобы они находились ежедневно с утра по указанному ими адресу. В случае нарушения, их могли немедленно отправить на обсервацию. Это слово казалось неизвестным и не сулившим ничего хорошего. Проверочные визиты продолжались пять дней, после чего прекратились. А там уже время подошло собираться назад.

Максиму нравилось кататься в московском метро, в летнюю жару туда можно было спуститься в поисках прохлады, иногда уже не находимой и там. И то — жарой в столице считалось 28-32 градуса по Цельсию, чуть больше представлялось чем-то за пределами, катастрофой, редко случавшейся. Тридцатиградусной жары вполне хватало, чтобы начинать плавиться асфальт на улицах, да и дышать становилось

невозможно от неподвижно повисающих в расплавленном воздухе автомобильных выхлопов. Но Макс-то прекрасно знал, что такие градусы нечто вроде лёгкой разминки для его родного города, где летом нередко и за сорок заходит при запредельной сухости воздуха. Не зря же летом, чтобы не ужасать население, никогда не обнаруживали показатели относительной влажности.

Московское метро всегда оставалось для Максима любимым транспортом столицы. Он привык, что в его мчащихся вагонах люди почти никогда не общаются между собой. Многие читали книги, газеты, журналы, хотя Макс из статьи в популярном журнале хорошо знал, насколько чтение на ходу вредно для глаз. Из-за тряски и покачивания фокусное расстояние до читаемой страницы постоянно менялось, что вызывало напряжение глазных мышц. Они растягивались и ослабевали из-за частых сокращений, а там и близорукость с очками недолго ждать.

Но в этот приезд уже в первые дни ему неоднократно пришлось стать невольным слушателем оживлённо обсуждаемых в подземном и надземном транспорте поразительных вестей из Астрахани. И хотя холеру уже обнаружили в Батуми, Керчи, Одессе, почему-то больше всего говорили про город Максима. Может быть, это объяснялось тем, что астраханцы намного чаще уроженцев упомянутых краёв ездили в Москву? А немало их и вовсе перебралось сюда на постоянное жительство.

— Люди падают замертво прямо на улицах, их сразу на месте складывают штабелями!

— Над Астраханью стоят чёрные столбы дыма — повсюду трупы не успевают сжигать...

— Над городом каждый день летают военные вертолёты, солдат везде понагнали видимо-невидимо ...

— Жуть просто, что творится: никого из домов не выпускают — полный карантин. На улицах ни души!

— Магазины-то там все позакрывали, продукты строго по карточкам...

Неизвестно, откуда брались или кем придумывались эти жуткие новости, отыскать анонимных сказочников, видимо, представлялось такой же невозможной задачей, как найти неизвестных, никогда никем не виденных авторов неисчерпаемых анекдотов. Народное творчество, блин... Некоторые психологи объясняют появление подобных страшилок тем, что обычно люди с их помощью намеренно накручивают себя всякими ужасами, чтобы потом, когда в действительности они не подтвердятся, испытать кайф от возникшего при этом избытка положительных эмоций.

Но все вокруг, похоже, серьёзно воспринимали авторитетно излагаемую чушь, да ещё и прислушивались с нетерпением в ожидании дальнейших подробностей. А почему бы и нет, раз по радио и телеку ничего не говорят? Даже если заведомо враньё голимое, то всё равно хоть что-то наверняка правдой окажется...

Хотя Максим знал после телефонного разговора с домом, что всё услышанное почти полный бред, но как-то муторно и неуютно на душе становилось после такого. Разве бывает дым без огня? Астраханская холерная тема в метро, да и не только там, стала одной из самых популярных. Только гордости за столь сомнительную известность родного города среди москвичей у Максима не возникало.

В остальном в Москве всё оставалось по-прежнему, ну, может, картонных стаканчиков для кофе и напитков повсюду прибавилось вместо стеклянных.

При виде привезённых гостинцев на лице маминной московской подруги тётки Жени отразилась целая гамма смешанных чувств. Как астраханцы ни пытались убедить, что все мыслимые сроки жизни зловредных вибрионов за время их плаванья давно истекли, к спелому сахарному арбузу с чёрными семечками она не притронулась. И чтоб он не пропал, гостям пришлось расправиться с ним вдвоём. С наименьшей остороженностью благоразумная москвичка отнеслась и к приложенной вобле. Тогда Максим решил сдать её в один из пивбаров, что уже успешно проделывал в прежние приезды, учась в школе и на первом курсе института.

В этот раз смутно знакомый по прошлому официант в «Жигулях» при белой сорочке с чёрной бабочкой почему-то сразу отказался закупить набитую в сумку воблу. Да, собственно, не «почему-то», а вполне ясно из-за чего. После негромко сделанного Максимом предложения осмотрелся по сторонам, затем просверлил подозрительным взглядом мало узнаваемого парня, точно тот предлагал не сушёную рыбу, а гербарий из конопли.

— Ты же это самое... из Астрахани вроде?

— Ну да, в прошлом году, помнишь? Нормально же всё было!

— Ну, сам знаешь! Сейчас совсем другое дело... Нет, ничего не нужно. Извини.

На этом официант резко утратил интерес к общению. Весь его вид показывал, не хочет человек напоминаний о чём-то тревожном и не имеющем к нему совершенно никакого отношения.

Макс не стал заказывать ни одной кружки, как намеревался, нет, не собирался он, в таком случае, тут задерживаться. Не больно надо. Разумеется, деньги за рыбу очень бы не помешали ему в эти дни, и потому настроение сразу испортилось. И всё же сознание, что он опять в Москве, да ещё в то время, когда дома лютует неведомая и опасная холера, помогало не принимать близко к сердцу столь мелкую неудачу. Подумаешь! Вобла ему и самому пригодится.

Выйдя из полуподвального помещения «Жигулей» на прогретый воздух, он двинулся по проспекту Калинина. С лёгкой руки анонимного остряка архитектурно-модерновый на общем московском фоне Новый Арбат окрестили «вставной челюстью столицы». Но для Максима высившиеся с двух сторон проспекта здания-книги, в которых он насчитал по двадцать четыре строчки-этажа, представлялись всегда манящим миражом недостижимого в его провинции города будущего.

Вдоль тянувшихся витрин гастрономов и универмагов он добрёл до места, напротив которого через дорогу располагался фирменный магазин студии грампластинок «Мелодия». На тротуаре возле него знакомо манили выносные столики под пёстрыми зонтиками, где всегда можно угоститься не только мороженым, но и неплохим бутылочным пивом. Сознание, что у него в руке сумка с самой лучшей в мире закуской для того, направило его ноги именно туда через ближайший подземный переход. В уличном кафе сегодня он застал всего трёх посетителей, да и те не задержались надолго, хотя сегодня в ассортименте имелось «Двойное золотое» и «Портер» в маленьких бутылочках тёмного стекла. Где бы ещё он смог найти такое?!

Взяв пару «Двойного», он расположился под зонтиком, расстелил оторванный лист газеты и достал пару воблин. Сделал несколько глотков и только затем неспешно оторвал у одной брюхо с икрой. Через какое-то время за соседний столик пожаловал интеллигентного вида бородач с портфелем под мышкой, двумя коробками в одной руке и бутылочкой «Портера» со стаканом в другой. Макс не мог не заметить, что ухоженный колоритный незнакомец лет тридцати — тридцати пяти не сводит жадных глаз с его распотрошённой рыбки. Находясь в благодушном настроении и внутренне посмеиваясь от собственной щедрости, Максим по-барски извлёк из сумки ещё две рыбешки с отливавшей серебром чешуёй, поднялся и, подойдя к соседу, положил перед ним на стол:

— Угощайтесь, пожалуйста! — бородач несколько опешил, но тут же вяло попробовал отказаться от неожиданного и столь щедрого дара. — Не беспокойтесь! Вы мне ничего не будете должны. Просто угощай! У меня в сумке ещё полно...

Уже глотая набежавшую слюну, незнакомец поблагодарил, ещё не до конца поверив привалившему счастью. Он попытался извлечь из кармана дензнак, но Максим категорично помахал кистью руки и вернулся на своё место.

Не прошло и минуты, а бородач уже деловито расставлял перед ним с поддюжины только что открытых запотевших бутылочек «Двойного золотого» и «Портера».

— Можно? — спросил он, имея в виду свободное пластиковое кресло напротив Максима, и после согласного кивка торопливо присел. — Это же... вобла? — с безошибочным благоговением в голосе уточнил случайный любитель пива.

Настала очередь удивиться Максиму. Он хорошо знал, что многие живущие севернее Волгограда обычно чуть ли не всю частичковую рыбу, включая воблу, краснопёрку, подлещиков, чухонь и прочее, называют «таранькой», практически не видя между ними никакой разницы.

— А откуда, интересно, вы знаете? — и чтобы пояснить свой встречный вопрос, Макс поделился соображениями о «тараньке» и бестолковых на этот счёт северных людях.

— Я работаю в океанологическом институте в Ленинграде. Так что, знаете ли, мне по профессии положено разбираться в ихтиологии. А здесь в Москве по делам всего на один день.

Новый знакомый оказался на редкость разговорчив, но между тем успевал отдавать должное явно экзотичному для него угощению. Всё же Максиму удалось вставить несколько слов об отличиях цвета и блеска чешуи воблы от краснопёрки с остальными частичковыми и о пользе содержащихся в первой всех жизненно нужных человеку микроэлементов.

— Её даже в тубиках космонавтам в полёты дают...

— Знаю, конечно, знаю! — радостно заверил ленинградец, и когда Максим извлёк для него ещё две рыбины из бездонной своей сумки, стремительно обернулся до прилавка и добавил на стол ещё поддюжины бутылочек, обмененных на уже совместно ими опустошённые.

После каких-то отечественных фильмов у Максима осталось ошибочное представление, будто такие бороды — прерогатива исключительно геологов, геодезистов всяких. Но, теперь оказалось, в стране советской ещё и океанологи такие есть!

После очередной прогулки ленинградца за добавкой перед ними на столе оставались ещё четыре полные бутылочки. И только тут закончив подробный отчёт о себе, учёный поинтересовался из вежливости:

- А сам-то откуда будешь?
- Из Астрахани...

У океанолога моментально отвисла челюсть. Утратив речь, он смотрел какое-то время то на Максима, то на аккуратно очищенную воблу в своей руке, в его глазах отчётливо плескался ужас. Наконец, осипшим голосом выдавил из себя:

- А как же вот это вот?! Как?!

— Да не волнуйся ты так, Андрей! — они успели перезнакомиться и обращались друг к другу на ты. — Во первых, возбудители холеры дохнут на продуктах через пять шесть-дней, а я тут уже больше недели. Во-вторых, соль вытягивает всю воду из клеток любых микробов и паразитов, так что с такой сушёной рыбой вообще не о чем беспокоиться...

Но, похоже, океанолог уже не слушал, обеспокоенно думая о своём и подбирая наилучший путь отступления. Бросил напоследок тоскливый взгляд на отложенную в сторону рыбу и вдруг резко засобирался:

— Знаешь, мне уже пора, надо двигать в Питер, билеты на поезд... «Красная стрела», знаешь ли... Приятно было познакомиться.

— И мне... — подтвердил Максим уже вдогонку спешащему убраться отсюда случайному знакомцу. Руки напоследок тот не протянул, но Макс не обиделся. Посидел, пока не закончилось содержимое бутылки, разглядывая, как зажигаются красные огоньки на самом верху многоэтажек Нового Арбата.

После знакомства с питерским океанологом стало окончательно ясно, что теперь нигде не стоит распространяться, откуда ты приехал.

Максим успел побывать в музее Пушкина, в Третьяковке, в Политехе, на промышленной выставке в Сокольниках. Мать несколько его не ограничивала, занимаясь своими делами и общаясь с московскими подругами, с которыми ходила в театры и кино на заведомо не интересные для сына вещи. Он же нашёл несколько выпусков зарубежной фантастики по книжным магазинам, случайно купил на улице всего-то за четыре рубля два больших новеньких винила польских «Червоны гитары» в красочных конвертах. Увидел, что люди куда-то встают в очередь, бездумно присоединился и не пожалел. К сожалению, в этот раз не удалось застать международный кинофестиваль — его проводили в Москве только в нечётные годы. Но скучно ему и так не было.

Только всё чаще он ловил себя на одной и той же мысли: вот здорово было бы, если бы Наташка оказалась сейчас вместе с ним! Едва не написал ей письмо, да вовремя вспомнил, что пока оно к ней дойдёт, он сам окажется уже дома.

Только в «Медицинской газете» 11 августа появилась заметка с роковым словом «холера», в которой сообщалось о случаях этого заболевания в Астрахани.

3. АСТРАХАНЬ

Их обязали прибыть строго к определённому часу на асфальтированную площадку перед кассами предварительной продажи авиабилетов. До того как появились две девушки в форме бортипроводниц, набралось не больше трёх десятков попутчиков. После условленного срока ждать никого не стали, проверили паспорта с билетами, старательно не допуская контактов с прочей публикой, усадили всех в подошедший вместительный автобус. Едва последний из их группы занял место в салоне, экспресс без остановок помчал во Внуково. И там, так же избегая общения с другими пассажирами, доставили всех участников к выделенному самолёту.

Ещё совсем недавно рейсы Астрахань — Москва и обратно не проходили без промежуточных посадок в Волгограде или Воронеже. Маршрут обслуживали только небольшие самолёты. Сейчас для нескольких десятков человек предоставили отдельный ТУ-134, почти половина мест в салоне остались незанятыми. На этот раз полёт проходил непрерывно до конечного пункта.

Когда через два с лишним часа началось снижение, стюардесса напомнила пристегнуть ремни и сообщила температуру воздуха. Все и без того понимали, что, преодолев полторы тысячи километров на юг от столицы, они очутились в совершенно ином климатическом поясе.

Приземлились в астраханском аэропорту «Приволжье», в котором базировались и военные МИГи. Повсюду никакого движения ни людей, ни машин. Пекло за бортом не дотягивало одного градуса до 40, но это в тени, а на солнце наверняка можно было яйца жарить. Когда самолёт подрулил к двухэтажному остеклённому зданию и развернулся к нему бортом, двигатели смолкли. В круглые иллюминаторы правой стороны все

увидели спешащую к ним от аэровокзала группу людей. Двое в белых халатах до пят, масках, очках и шапочках и четверо солдат в защитной полевой форме с автоматами наперевес. Максим сразу заметил на головах автоматчиков такого же цвета панамы вместо привычных пилоток или касок. От уже служивших старших по возрасту однокурсников он знал, что такие уборы входили в обязательное обмундирование только в Закавказском и Туркестанском военных округах. Астраханская область к ним не относилась. Либо этих солдат перебросили с юга, либо сама природа принудила армейское начальство заменить пилотки и тут. В целом эти необычные персонажи на фоне нереальной жары и общего безлюдья придавали жуть здешнему фантастическому виду после полной жизни московской суеты.

На выходе из самолёта у трапа снова тщательно проверили паспорта каждого. После того как закончили с выдачей багажа, провели всех, словно под конвоем, по пустому зданию аэровокзала к автобусу, идущему в город.

Чувство тревоги не отпускало. Старые улицы правобережной части выглядели пустынно, за весь путь встретились только несколько одиноких пешеходов вдалеке. Почти у всех деревянных домов окна оказались закрыты ставнями. Но такая картина выглядела обычной при местной жаре. Медленно ползущий в клубах дорожной пыли автобус ещё не раз останавливали автоматчики на блокпостах, но выходить из салона уже никого не заставляли. Последний досмотр провели у въезда на единственный старый мост через Волгу, соединявший две половины Астрахани. Рядом с обычной милицейской будкой соорудили огневую точку, обложенную мешками с песком.

Теперь уже никто не знал, что их встретит в самом городе. Но на таком же посту с солдатами на другом конце моста их уже не тормозили. Вопреки тревожным ожиданиям никаких видимых изменений в жизни основной левобережной части не обнаружилось. Ничего из ужасов, слышанных в московском транспорте. Ни комендантского часа, ни ограничений передвижения в самом городе. Транспорт работал обычно, автобусы, троллейбусы, трамваи. Народу на улицах оказалось намного меньше, чем в Горьком или в Куйбышеве, не говоря о Москве. Но для полумиллионного города, распластанного вдоль обоих берегов Волги, в такую жару вполне достаточно. И нигде никаких солдат или избытка милиции. Даже медики в белых халатах в первое время после возвращения на улицах ни разу не попались. Единственное, что сразу бросилось в глаза — полное отсутствие частых прежде бочек с квасом или более редких с пивом на обычных отведённых местах. Такая заметная деталь уличного пейзажа южного города совершенно исчезла.

В этот же день Максим убедился, что противохолерные нововведения в первую очередь коснулись хлебных магазинов. Покупателей больше не допускали к полкам, никто беспрепятственно не шупал и не мял, как иногда случалось прежде, булки и батоны, проверяя на свежесть. Все хлебные изделия отпускались теперь исключительно в прозрачных полиэтиленовых пакетиках. Продавщицы больше не касались пальцами хлеба, они передавали его покупателям с помощью появившихся в таких отделах больших металлических вилок. И плату за покупку принимали не они, а только кассирши, на тарелочках для денег у них обязательно находилась пороносовая губка, пропитанная раствором вонючего хлорамина. Да и повсюду в торговых помещениях густо пахло хлоркой после частых обработок. Говорили, будто и асфальт центральных улиц дворники с утра обрабатывают хлорной известью. Цены на овощи упали, на полях гнили десятки тонн несобранных помидор, дынь, арбузов, которые запретили вывозить в другие города. Так, килограмм полосатых плодов-ягод стоил всего 5 копеек, тогда как прежде в это время его стоимость не опускалась ниже 15-20. Огромный арбузище немногим менее пуда можно было запросто купить всего за полтинник.

Как позже убедился Максим, упоминания холеры отсутствовали в любых официальных заявлениях властей и в сообщениях местных СМИ. Слово название обрушившейся инфекционной болезни внезапно сделалось ругательным и совершенно нецензурным. Зато много говорилось о необходимости мыть не только руки перед едой, но и овощи с фруктами, причём даже с мылом. Разрешёнными для печати стали только зашифрованные определения, обозначавшие как бы тоже желудочно-кишечные инфекции, но не настолько страшные — «дизентерия», «гастроэнтерит», «пищевая токсикоинфекция». Лишь такие диагнозы разрешалось ставить врачам поликлиник и скорой помощи. Тем не менее, все давно знали, что речь идет именно о холере, и в разговорах открыто называли её своим собственным историческим именем.

Таким образом, вызвавшая пандемию болезнь оставалась как бы безымянной, а её возбудители иногда ещё причудливо назывались «болезнетворными агентами», хотя слово «вибрион» уже сделалось привычным и понятным для всех. Даже во внутренних документах для партийного аппарата и чиновников ставили ничего не объясняющую размытую форму — «острое кишечное заболевание». Только такое обозначение и ре-

комендовалось официально употреблять всем имевшим и не имевшим отношение к медицине.

Самым чувствительным для астраханцев в сорокоградусную жару стал запрет купания в открытых водоёмах. Закрыли главный городской пляж на острове и прочие стихийно приспособляемые каждое лето для тех же целей места. На бетонной облицовке городских рек и каналов южной русской Венеции то тут, то там появились предупреждения огромными буквищами белого, чёрного или красного цвета: КУПАТЬСЯ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО!

Нарушителей нещадно отлавливала милиция. Их не только немедленно штрафовали, но и тут же принудительно отправляли в провизорные госпиталы для обследования и наблюдения с одновременной профилактикой тетрациклином. Причём если они оказывались работающими, то больничные листы таким не оформлялись. В результате столь жёстких мер сознательность большинства горожан значительно возросла, а количество безответственных среди них быстро уменьшилось. Да и те предпочитали совершать столь наказуемое действие обычно в ночное время.

Так же решительно следили за соблюдением запретов на ловлю рыбы и на пользование маломерными речными судами. Это коснулось тысяч владельцев моторок. Многие считали, что в Астрахани необходимо первым делом иметь моторную лодку, а не собственный автомобиль. Теперь любимые средства передвижения и отдыха в летнее время оказались заперты на платных стоянках. Заправочные станции для моторок и катеров больше не обслуживали частников и ни за какие деньги не отпускали им ни одного литра бензина. За соблюдением этих запретов на воде следили не только суда водоохраны, но и военные катера каспийской флотилии, пресекавшие попытки вывезти контрабандой кого-либо за пределы оцепления без обязательной обсервации.

Павел, сосед по коридору, живший в первой квартире от входа, обрадовался возвращению Максима. Будучи на четыре года старше, он всегда защищал его в детстве от издевательств и нападок старших товарищей по дворовым играм. Средней школы так и не окончил, переменил множество мест работы, но нигде не задерживался дольше двух-трёх месяцев. В последний год он выучился на сапожника, но в мастерской тоже не прижился и теперь занимался починкой обуви на дому. Пашка-сапожник не замедлил сообщить, что неразличимые невооружённым глазом холерные вибрионы быстро дохнут от всех алкогольных напитков крепче 24 градусов. Пиво, продаваемое теперь исключительно в бутылках, и обычное крепленое вино на уже попавших внутрь гадов совершенно не действовали, возможно, даже придавали им жизненных сил ещё больше пакостить людям. Павел считал, что такое малоградусное пойло только подпитывает этих микроскопических тварей и способствует их размножению.

Поскольку лечебной водки в такую жару много и часто не выпьешь, да и накладно карману будет, то самыми популярными в народе стали теперь крепкие настойки. Особенно востребованной для профилактики холеры оказалась тридцатиградусная перцовая горькая и не только местного производства, которую можно было найти в любом винно-водочном отделе. Но и тут, по словам опытного алкогольного эксперта, имелась некоторая хитрость. Гораздо успешнее для оздоровления, при одинаковой цене, считалась более ядрёная с изображением двух красных стручков на этикетке вместо одного. Впрочем, независимо от количества перца на рисунке, крепость оказывалась одна — тридцать градусов. Её неплохой союзницей показала себя и двадцатисемиградусная «Стрелецкая», известная в народе как «Мужик с топором». «Рябиновая на коньяке» представлялась приятнее на вкус, но уже находилась в пограничной зоне риска. Будучи крепостью всего в 24 градуса, она не давала полной гарантии уничтожения проникших в желудок возбудителей холеры и потому, по заверению Паши-сапожника, требовала приёма в гораздо большем объёме.

Хотя такую оперативную полученную информацию Максим посчитал гораздо более полезной, чем неоднократные призывы на каждом шагу мыть с мылом руки, овощи и фрукты, всё же не без ехидства заметил:

— А знаешь, Паша, ведь можно просто разведённую соляную кислоту пить. Тот же результат, и гораздо дешевле обойдётся.

После таких слов сосед насупился и решительно возразил:

— Неа, по мне уж лучше «Мужик с топором»!

В первый же вечер после прилёта Максим не выдержал и поспешил к Наташе. Путь к её дому пролегал через местный «бродвей», или «брод» — стихийно возникшую пешеходную зону, место вечернего гуляния молодёжи. Сюда приходили на других посмотреть и себя показать. Максим убедился, что всё здесь знакомо и обычно, будто в городе и не появлялось никакой холеры. Перебросился несколькими фразами со знакомыми, которых здесь хватало на каждом шагу, а потом увидел Наташку, прогуливавшуюся с двумя подругами. Она одновременно заметила его, и оба кинулись навстречу друг другу. Наташе сразу стало не до подруг, и остаток вечера они провели

без лишних свидетелей. Видя неподдельную радость девушки его возвращению, Максим твёрдо решил, что в следующий раз они обязательно поедут куда-нибудь только вместе.

От бабушки с дедом Максим узнал, что ему уже несколько раз звонили из деканата института и велели, как только возвратится в город, срочно явиться туда. Все медики и студенты отзывались из отпусков и стройотрядов. Он решил не откладывать, и на следующий же день отправился в мединститут. Свой запоздалый приезд он рассчитывал оправдать задержкой в Москве из-за введённого в Астрахани карантина.

В деканате на него попытались наехать, но Максим представил предусмотрительно сохранённые билеты на теплоход, доказывающие, что он отбыл из Астрахани ещё до начала эпидемии. Разбираться с ним не стали, не до того сейчас было, срочно требовались кадры на борьбу с холерой. Собирали студентов всех курсов, кого только смогли найти. Его тут же направили в новую лабораторию, разворачиваемую на базе кафедры микробиологии в здании мединститута. Так что ходить далеко не пришлось — всего-то один коридор да повернуть направо.

Внутренний ход из института оставался открытым. Сама кафедра находилась на четвёртом этаже старинного учебного корпуса, и подниматься к ней следовало по железной дореволюционного литья лестнице. По пути на втором и третьем этажах оставались кафедры анатомии и нормальной физиологии. Но теперь многие помещения от них отдали под лабораторию, руководить которой назначили заведующего кафедрой микробиологии Юрия Дисановича Чиркина. Его предмет начинался у Максима в предстоящем учебном году, а сам завкафедрой по совместительству являлся деканом педиатрического факультета, но его прозвище у студентов было ему хорошо известно. Между собой все коротко звали его Чирком. Перед его-то взором и предстал Максим с направлением из деканата. Невысокого роста с пухлыми щеками и небольшими внимательными глазками заведующий не имел докторской степени и оставался пока кандидатом медицинских наук на должности доцента. Бывший фронтовик сразу определил Макса в приёмщики, тогда как почти одновременно пришедших с ним записал на пересевы. Лаборатория открывалась со дня на день, и ребята сразу подключили к работе по её обустройству. Они таскали мебель, привозимые ящики с приборами и реактивами, ставили в указанные деятельным Чирком места.

— Всё, что попало в нашу лабораторию, отсюда уже не выносятся! — твёрдо напутствовал новых сотрудников заведующий.

Они и рады были стараться. Максим помог принести диван и мягкое кресло из парткома, их установили под лестницей, где предстояло размещаться вахтёрам и приёмщикам. Через некоторое время за ними явился возмущённый завхоз института с первокурсниками, отработывавшими у него трудовой семестр. Чирок незамедлительно дал им от ворот поворот. Отныне здесь вам, товарищи, не хала-бала, а холерная лаборатория! После чего дверь во внутренний коридор здания не только заперли, но и заложили поперечным деревянным брусом.

— Эх, жаль, телевизор не сообразили из парткома заодно прихватить! — горько сетовал перешедший на шестой курс Валера, с которым Максиму предстояло работать в одной смене.

Максу поначалу показалось обидным, что его сунули в какие-то приёмщики, чуть выше рангом сторожа-вахтёра у входной двери. А он так загорелся энтузиазмом поработать на холерном фронте! Но потом убедился, что вовсе не прогадал, а его временная должность и обязанности вовсе не так уж и плохи. Работать предстояло в три смены через сутки отдыха, днём с 9 до 19, а в ночь с 19 до 9 утра.

Он с удивлением заметил, что самые бывалые, продувные ребята, которым до заветного диплома оставался всего один год, сразу заняли три вахтёрских места — по одному на смену. Казалось бы, кому как не шестикурсникам идти в передних рядах борцов с опасной инфекцией? Но они сразу пристроились сторожами, в обязанности которых входило только открывать и закрывать двери, когда приезжали или приходили снаружи, а потом, соответственно, выпускать уходящих. Если днём от них ещё требовалась какая-то деятельность, то ночи напролёт они спали в оборудованном уголке под лестницей. Никакого материала для анализов после девяти часов вечера обычно не привозили.

Валера представлял собой невысокого черноволосого паренька с усами под белорусских Песняров, только своим худым вытянутым лицом вовсе на них не походил. Макс как-то в шутку легко приподнял его на полметра от пола, после чего доморощенный песняр скорбно заметил:

— Есть у тебя сила, но не туда ты её прикладываешь, Макс!

Как только лаборатория начала принимать материал, все этажи с первого по четвёртый наполнились терпким запахом варёного агар-агара — основы питательных сред. Его нельзя было считать приятным, но и отвратительным он не казался. Только

внизу на первом этаже, где недалеко от входа установили железную бочку с лизолом, на несколько метров вокруг запах этот перебивался едкой вонью дезинфицирующего раствора, от которой порой резало в глазах.

В обязанности Максима входило принимать привозимые для анализа пробирки с пробами, называемыми формой номер тридцать. Он делал это на столике, установленном на площадке второго этажа. В противочумном халате и надеваемых для такого случая перчатках он переключивал из доставленных биксов закупоренные пробирки в лабораторные штативы, поштучно сверяя наличие каждого в приложенных направлениях в двух экземплярах. Перед тем как отпустить курьера, расписывался о получении в его копии и только затем передавал в лабораторию для посевов. Анализы привозили из поликлиник, отделений больниц, развёрнутых временных госпиталей и обсерваторов.

По ночам пересевщики спали урывками по два-три часа недалеко от автоклавов, пока по таймеру не подходило время очередного посева. Никаких условий для отдыха сотрудников не предусматривалось. Кто-то спал на свободных столах, кто-то на составленных стульях с мягкими сидениями, которых на всех не хватало. Разумеется, о постелях речи не шло.

Большую часть времени Максим проводил в обществе Валеры в «красном уголке», как они назвали обустроенное ими же место под лестницей. Валера недавно перенёс болезнь Боткина и теперь слышать не хотел ни о какой выпивке. Максим же считал, что близкое соседство с бочкой лизола принесёт Валериной большой печени гораздо больше вреда, чем одна бутылка пива.

Случалось, днём они играли в покер на спички, пока как-то за этим занятием их не застукал потихоньку спустившийся по лестнице Чирок.

— Ещё раз карты увижу или курить тут начнёте — безо всякой жалости отправлю на кирпичный завод кирпичи таскать!

Такая угроза вовсе не казалась пустой. Как-то двух проштрафившихся ребят с пересевов, что-то там ночью учудивших после перебора со спиртом, он выгнал с позором, и теперь они каждый день «пахали» на удалённом кирпичном заводе за городом в горячем цеху. Но вечерами, когда заведующий уже уезжал домой, к ним иногда спускались однокурсники Максима, и уже вчетвером они расписывали «кинга», что нередко позволяли себе на лекциях. Играли всего по копеечке, чтоб на много не влететь, да и то в счёт будущего заработка.

В один из первых свободных между дежурствами вечеров Максим зашёл за Натальей, и они отправились в городской парк культуры и отдыха имени Карла Маркса, прозванный просто Карлушей. Ещё он был известен в народе как Аркадия, по оставшемуся с царских времён названию никогда не существовавшей страны удовольствий с беззаботными пастухами и пастушками.

Главной достопримечательностью этого места много лет оставался деревянный, возведённый ещё в конце прошлого века без единого гвоздя трёхъярусный театр. Резные кружева и сказочные остроконечные башенки вызывали гордое восхищение астраханцев и восторг всех гостей города. По сравнению с известными строениями Кижей он смотрелся просто расписным пряничным домиком или замком. Максим неоднократно бывал в нём и знал, что когда-то с его сцены пели Шаляпин, Собинов и Максакова, оставшиеся довольными его прекрасной акустикой. Но не это представлялось главной особенностью строения. Летний театр полностью оправдывал своё название тем, что система входов-выходов и окон создавала естественную циркуляцию воздуха, и внутри него даже в самые жаркие дни всегда сохранялась прохлада.

По соседству с театром вытянулась одноэтажная веранда-ресторан в таком же резном стиле, с другой стороны открытая допоздна пивная — десятка два столиков под общим навесом. В парке имелся небольшой летний кинотеатр с деревянными скамьями, накрытый большим тентом, лекторий и танцевальная площадка, работавшая по вечерам три раза в неделю. Но Максим и Наташа приехали не за этим. Им захотелось вместе покататься на собранных здесь аттракционах, ничего подобного в полумиллионном городе нигде больше даже близко не имелось.

Прежде всего, они поднялись на колесе обозрения, пожалуй, самом впечатляющем из доступных развлечений. С высоты его двадцати метров увидели россыпь ночных огней. И нигде никаких свидетельств пришедшей этим летом в город и пока остававшейся холеры. Освещения не прибавилось и не убавилось. Всё выглядело привычно, как прежде, как год или два назад. Не обнаружилось ни метаний лучей прожекторов, ни машин с синими проблесковыми маячками на разбежавшихся от парка полутёмных улицах.

То сцепляясь, то отталкиваясь на длинных цепях, покрутились на цепочной карусели, от души на пару построили рожи у кривых зеркал в комнате смеха. Сесть

на самолёт, делавший мёртвую петлю, уговорить Наташку не удалось, а без неё такое представлялось неинтересным. Дольше всего, пока остаток денег не закончился, покатались на лодочке, раскачивая её до верхушек растущих рядом деревьев.

Обратно они специально выбрали дорогу подлиннее. Через пустырь дошли до трамвайных рельсов и поехали на круговом маршруте «А». Только на нём ещё ходили несколько последних стареньких разбитых вагонов без дверей и с выставленными на задней площадке стёклами. Там они и встали у отполированного тысячами рук поперечного металлического поручня, тесно прижимаясь друг к другу. Ветер трепал их волосы, врываясь сквозняком в проёмы открытых окон, заставляя забыть об остатках дневной жары.

Тряский трамвай безбожно дребезжал всеми железками и уцелевшими стёклами на стыках рельсов, сыпал на поворотах голубыми искрами из дуги наверху, скользившей по натянутым проводам. Кроме них, на передних сидениях вагона покачивались три-четыре пассажира, которым не было до парочки никакого дела, как и Максиму с Наташей до них. Невидимый с задней площадки вагоновожатый то и дело позванивал с непонятной целью, хотя никаких препятствий на пути не высматривалось.

Когда повернули на самую длинную по маршруту улицу имени Плещеева с тянущимися с двух сторон одноэтажными деревянными постройками, Максим понял, что их безмятежный вечер вот-вот закончится. Сколько раз он хотел узнать, кем был человек, в честь которого назвали земляную мало похожую на городскую дорогу, по которой пустили трамвай, но как-то не удосужился до сих пор поинтересоваться в областной библиотеке. На отдельных участках она поросла камышом из застарелых луж, не высыхающих полностью даже в такую жару. И сейчас эти заросли с метёлками на концах оставались позади, высвеченные на миг огнями трамвая, чтобы тут же исчезнуть в мгновенно сомкнувшейся следом тьме. Наташа тоже не имела понятия, чем знаменит этот неведомый человек прошлого, оба сошлись на том, что это наверняка какой-то неизвестный им выдающийся революционер.

Потом они долго целовались у забора её кирпичного двухэтажного дома с тёмной аркой подворотни, пока не отворилось окно на высоком первом этаже и очень сердитый женский голос не позвал Наташку немедленно домой.

Как-то Максим привычно принимал за столиком на площадке второго этажа очередную партию анализов. Перекладывая пробирок из привезённых штативов в лабораторные с самого начала напоминало ему игру в лото. Вытянутые стеклянные трубочки с пробками на конце обычно маркировались фиолетовым карандашом-стеклографом. Главное, чтобы все номера совпали с приложенными списками фамилий. Привезшая материал незнакомая молоденькая медсестра из какого-то госпиталя внезапно вскрикнула, неловко пропустив между пальцами одну из пробирок. Слякка разбилась о пол и разлетелась в стороны мелкими осколками, разбрызгав содержимое чуть ли не на метр вокруг.

— Да не бойся ты так! — поспешил успокоить побледневшую от сильного испуга девушку Максим. — Сиди спокойно, не сходи с места. Перчатки не снимай. Отметь в своём списке, какой именно материал не сдала.

Он сделал всё по инструкции, как учили. Подошёл к двери, ведущей с площадки в лабораторию, нажал кнопку звонка вызова. И сообщил тут же выглянувшему однокурснику, что только что произошло.

Минуты не прошло, как сам Чирок торопливо спустился сверху и принялся раздавать указания. Наверняка он заранее готовился к подобным случайностям. Выяснить, кто виноват или «давать разгон», не стал ни сейчас, ни потом. Всё двери тотчас заблокировали. Пол, столик и стены немедленно залили растворами хлорамина и лизола. То же проделали с обувью и ногами участников происшествия. После чего он велел им сдать халаты и перчатки и отправил обрабатывать руки.

Потом уже Максим не раз думал, что эти меры наверняка могли показаться излишними, холерные вибрионы, если бы они оказались в той злополучной пробирке, могли попасть потенциальной жертве инфекции только через рот. Но, разумеется, в таких случаях всегда лучше «перебдеть», так что Юрий Дисанович действовал совершенно чётко и правильно.

Именно во время холеры в первый и последний раз состоялась прямая трансляция центрального телеканала фестиваля из Сопота. Без перерыва две ночи с вечера до четырёх часов утра. Неизвестно, сколько астраханцев пересмотрело выступления Марыли Родович с её разноцветными кибитками, изображавшей человека-оркестр, чешского соловья Карела Гота и многих других. Но гвоздём этого года стали три песни гостей фестиваля — британского трио Кристи, с которыми они выступили уже под утро. Той ночью волосатые гитаристы и ударник завели не только весь фестивальный зал, но и миллионы телезрителей в разных странах. Элеонора Белянчикова, ведущая «Музыкального киоска» на первом канале, которая комментировала эту трансляцию,

в праведном гневe любительницы классики громко вскричала, увидев громадные букеты роз, преподнесенные из зала лохматым парням в мокрых от пота майках: «Розы! Розы рядом с этим?!» Независимо от её мнения вскоре на всех танцплощадках страны надолго зазвучал «Толстый Карлсон» — ничего общего с оригиналом не имевший незатейливо спаянный текст на мелодию главного хита Кристи — «Жёлтая река».

С утра всем пришедшим на смену сотрудникам лаборатории от врачей до швейцаров раздавались талоны на питание с проставленными печатями. В обеденный перерыв они отправлялись пешком почти за километр в один из центральных ресторанов «Чайка», не просто какую-то затрапезную столовую, а место, в которое многие хотели попасть по вечерам. Это заведение в дневные часы обслуживало теперь исключительно медиков, задействованных в борьбе с холерой. Правда, как понял, Максим, кроме них, сюда ходили служащие областного и городского здравоохранения, располагавшихся неподалёку. Работники поликлиник и прочих медицинских учреждений здесь не обслуживались. Приходящий сюда лабораторный персонал невольно чувствовал собственную привилегированность. Кормили медиков неплохо сготовленными обстоятельными обедами из трёх блюд. Всегда с какими-то общепитовскими котлетами с хлебом на второе. То настоящим люля-кебабом, то фаршированными мясом перцами, рыбными или мясными пирогами и прочими, редко повторяющимися в следующий раз питательными вкусностями. Но прежде чем занять места за столиками, посетители в обязательном порядке обрабатывали руки раствором хлорамина из висящего на входе рукомойника, а уже затем мыли их с мылом возле туалета.

Максим и другие ребята из лаборатории сразу просекли постоянное наличие здесь свежего бутылочного пива двух, а то и трёх сортов разом местного пивзавода. Разумеется, такое излишество не входило в гарантированный талонами ассортимент, за него приходилось доплачивать, пусть и не по ресторанной, а всего лишь по цене кафе. Но, какое это имело значение? По одной холодной бутылочке на каждого из стеклянных фужеров на тонкой ножке всякий раз приходилось очень кстати. Вторая представлялась уже лишней, всё-таки они находились на работе, и на большее количество обедавшие за соседними столиками врачи их смены наверняка посмотрели бы косо.

Как-то ранним утром трое однокурсников Максима, занятые на пересевах, заглянули в «красный уголок» под лестницей и разбудили его обитателей. Оказывается, у них за ночь вышло всё курево, и теперь приспичило найти хотя бы чинарик. Валера вообще не курил, да и Макс не имел такой привычки, они оба послали шатунов куда подальше. Но настырная тройка пристала отпереть входную дверь, чтобы стрелкнуть сигарет у случайных прохожих. Поняв, что снова заснуть не удастся, да и до пересемки осталось недолго, Максим присоединился к ним с целью проветриться.

Они четвером очутились на узкой спящей улице, проходящей мимо мединститута, ничего удивительного — все обычные люди в такой час ещё не проснулись. Солнце только готовилось подняться над крышами домов с восточной стороны. В такую рань орудовали только дворники в центре, да, говорят, ещё поливальные машины разбрызгивали дезрастворы у административных зданий.

Никто не переоделся, так что только на Максиме оставался один халат и шапочка, а остальные вышли, как были — в полной противочумной форме. Они свернули на более широкую безлюдную улицу и там в свете первых лучей солнца увидели на тротуарах ранних пташек — двух спешащих навстречу пешеходов. Медики обрадованно развернулись широкой цепью и двинулись к ним, перекрыв всю дорогу. Прохожие, как по команде, синхронно притормозили и почти остановились.

— Эй! Мужики! Угостите сигареточкой! — зычно гаркнул самый нагловатый из пересевщиков.

Один из незнакомецв внезапно скрылся из вида, нырнув за ворота проходного двора. Второй растерянно заметался и вдруг резво припустил в обратную сторону. На бегу он старательно жался к стенам домов, будто опасался, что по нему откроют стрельбу вдогонку. Как ни смешно со стороны такое могло показаться, но ничего весёлого Максим не усмотрел. Он представил, что сам мог вполне очутиться на месте любого из двух нарвавшихся на зловещий медицинский отряд. Повёл бы он себя иначе? Вряд ли... Внезапное бегство здоровенных мужиков вполне объяснялось. Он слышал, как при выявлении первых признаков кишечного расстройства таких больных забирали в инфекционный госпиталь, по месту жительства немедленно учиняли тотальную дезинфекцию, а соседей принудительно отправляли в госпиталь для контактных.

Поняв, что на опустевшей улице ничего не обломится, жертвы никотиновой зависимости вместе с Максимом понуро повернули назад. Ему показалось, что встреча с жителями, испугавшимися одного вида идущих цепью медиков, придала

пересевщикам значимости в собственных глазах, от которой их теперь чуть ли не распирало.

В конце первого месяца Чирок устроил общее собрание и сам выступил с краткой отчетной речью, в которой поблагодарил сотрудников за проделанную работу. В штате лаборатории трудились врачи-микробиологи, собранные на эпидемию из других городов. Заведующий мимоходом помянул нарушителей, отправленных в ссылку на кирпичный завод, но всех остальных только похвалил. В заключение своего краткого спича заверил, что все получают заслуженную оплату полностью. И тут же посетовал, что остался большой запас щедро выделенного на лабораторию медицинского спирта. Сам бывший фронтовик хорошо знал цену этому «белому золоту», но ещё лучше представлял, что при обнаружении неизрасходованных излишков хозяйственники тут же урежут его отпуск уже со следующего месяца. К радости студентов, пообещал отныне выделять этанол для обработки рук каждому и пригласил всех собравшихся на символический банкет.

Столы на третьем этаже в одной из учебных аудиторий уже уставили блюдами с бутербродами, фруктами, виноградом, помидорами и солёными огурцами. Даже где-то раздобыли парочку больших самоваров. Тем, кто оказался не занят в сегодняшнюю смену, не возбранялось отметить окончание первого месяца разведённым спиртом. Разумеется, умеренно и с надеждой на сознательность каждого.

Уже потом, когда лаборатория закрывалась перед началом учебного семестра, заведующий как бы невзначай признал, что за второй месяц работы, напротив, наблюдался значительный перерасход этанола. Кроме иногородних гостей, повторного банкета напоследок от него никто не дождался.

Перед самым окончанием работ накануне задержанной на месяц учёбы всех желающих свозили на противочумную станцию. Существование такого заведения в Астрахани ни для кого не являлось секретом. Дело в том, что в астраханских степях в сторону Гурьева с незапамятных времён имелся постоянный эндемический очаг чумы. Природными резервуарами и распространителями этой особо опасной инфекции служили различные степные грызуны — суслики, тушканчики, полевые мыши. Со вспышкой холеры именно на базе противочумки, как её окрестили в народе, развернули одну из наиболее оборудованных диагностических лабораторий.

Разумеется, Максим, да и прочие, кому предложили такое, не упустил возможности увидеть передний край борьбы с эпидемией. В самой мединститутской лаборатории на пару часов оставили только швейцара Валеру да двух-трёх сотрудников кафедры. Всю прочую публику повезли на автобусе, чтобы воочию познакомиться будущих медиков, пока ещё студентов, с их звучно знаменитым противником — холерным вибрионом Эль-Тор штамма Инаба. Против этой мельчайшей твари они и сражались второй месяц.

Уже на противочумке к имевшимся у каждого халатам, шапочкам и маскам добавили белые хирургические бахиллы и только после этого повели на экскурсию. В затемнённой комнате всем по очереди показали под микроскопом препарат холерного супостата. В люминесцентной подсветке вибрионы имели вид зеленовато-голубых закорючек, наподобие запятых, совершенно не воспринимавшихся чем-то изначально зловредным и опасным. Потом полных впечатлений экскурсантов отвезли назад на место их временной работы, приближавшейся к завершению.

За неполные два месяца Максиму в сумме заплатили на руки после всех вычетов 320 рублей. Причём доплаты продолжались ещё с месяц, почти каждую неделю. Только уже казалось, на этом всё, как опять срочно вызывали в кассу институтской бухгалтерии. Разумеется, такое не могло не отразиться на посещаемости занятий, которые потом приходилось отрабатывать. Стоит ли говорить, каким богатством казались эти суммы на фоне ежемесячной стипендии в 28 рублей для первых курсов!

Максим по дешёвке купил у однокурсника подержанный бобинный магнитофон «Айдас», а в центральном универмаге новенький болгарский светлый плащ и для себя же настольный хоккей в большой коробке. Какие-то мелочи подарил домашним, не забыл и Наташу. После чего осталось ещё больше половины заработка, но остальные деньги как-то незаметно и быстро разлетелись вместе с выплаченной стипендией.

4. ВТОРОЙ ГОД

На следующий год возбудители холеры из Астрахани никуда не исчезли. К середине лета эпидемия возобновилась, появились новые случаи заражения в сельских районах. Но вовсе не в прошлогодних масштабах, и медико-санитарная служба оказалась гораздо лучше подготовлена отразить повторную атаку. Исключительно белая от щедрого хлорирования вода снова лилась из водопроводных кранов. Купание в водоёмах оставалось под запретом. Как и в прошлом году пойманных на месте

нарушителей не только штрафовали, но и сразу отправляли на карантин в ближайший провизорный госпиталь без выдачи больничных листов, если они работали. Но таких оставалось немного, купаться в холерных реках уже мало кому хотелось. Одновременно возобновили запрещение на рыбалку и пользование частными моторными лодками.

Снова СМИ, настенные плакаты и листовки призывали чаще мыть руки, овощи и фрукты. Никаких упоминаний о болезни, название которой по-прежнему нельзя было официально произносить. Похоже, начальники всех уровней дружно продолжали придерживаться правила «не буди лихо», чтобы не накликать ещё больших неприятностей. Да только это самое лихо снова вовсю шуровало в Астрахани, чем и вызвало возврат всех прошлогодних запретов.

Ещё до того, как повторно ввели обязательную недельную обсервацию для покидающих город и, наоборот, въезжающих в него, в один из последних вечеров июня Максим через брод возвращался от Наташи. На уже почти опустевшей улице ему повстречалась шумная компания, почти бегущая в противоположном направлении. Он сразу узнал глупо и радостно улыбающееся лицо в её центре. Довольно симпатичная девчуля, немногим старше самого Максима, цепко держала под руку усатого песняра Валеру. Гадать не пришлось — свежеиспечённые выпускники мединститута торопились на давно начавшийся без них заключительный банкет. По традиции ежегодное обмывание дипломов происходило на открытой веранде ресторана в парке семнадцатой пристани.

Несмотря на ощущаемую даже вечером жару, бывший лабораторный вахтёр нарядился в чёрный костюм с галстуком на белую рубашку. Валера представил спутницу и с гордостью похвалился, что с однокурсницей Мариной они месяц как расписались и теперь вместе распределились в среднюю полосу России.

— А куда именно? — попытался дотошно уточнить Максим.

— В Псков! В Порхов мы едем! — весело сообщила молодая жена песняра.

— Да хоть к чёрту на рога! Лишь бы подальше от нашей холерной дыры! — очень непатриотично подтвердил Валерик с возбуждённым блеском в глазах. Похоже, его личный сухой закон после гепатита уже не действовал.

Едва холерный приятель ненадолго высвободился из рук приобретённой подруги жизни, Максим по старой памяти поднял его на прощание, убедившись, что тот нисколько не набрал веса за прошедший год. Марина тут же снова произвела тесный захват своего окольцованного мужчины, и они спешно разошлись с Максом в разные стороны.

В заново открываемую лабораторию на кафедре микробиологии Максима и большинство из тех, с кем он там работал в прошлом году, не взяли. Все места заняли по протекции чьи-то дочки-сыночки. Но повсюду уже развернули госпитали и обсерваторы, куда и направляли всех, за кого не замолвили авторитетное словечко. Максим попал в одно из таких временных учреждений для контактных, где его определили на санитарскую должность в приёмном покое. На места среднего медперсонала могли претендовать только четверокурсники, а врачами туда зачисляли уже студентов шестого года, называемого ещё субординатурой, и выпускников, только что получивших дипломы — интернов.

Правда, потом выяснилось, что все прошлогодние надбавки значительно урезали. Но по сравнению с их мизерной стипендией, лишь на третьем курсе её повышали до 35 рублей, и то выглядело совсем неплохо. Просто все наивно рассчитывали на прошлогоднюю манну небесную. Но если в первый холерный год деньги по запарке швыряли направо и налево, то теперь источники значительно иссякли. Те, кто ими распоряжались на местах, постарались, чтобы никто из рядовых сотрудников, тем более, студентов не получил на этот раз лишка. Это не касалось главврачей, заведующих отделениями и прочих администраторов.

В обязанности Максима входило отвозить материал для исследования, взятый у поступающих через приёмники приносимый из отделений отужегоспитализированных. Всякий раз заодно забирал в лаборатории результаты предыдущих партий анализов, иногда приходилось ездить за одними только бумагами. В остальное время ему полагалось находиться на подхвате у сестёр приёмника, словом — «подай-принеси». Он помогал оформлять истории болезни, ездил за быстро кончающимися солевыми растворами для внутривенного введения и другими медикаментами в прикрепленную к госпиталю аптеку.

Но ему самому при малейшей возможности, даже не дожидаясь, пока наберётся полный бикс пробирок для лаборатории, всякий раз хотелось смыться отсюда, чтобы подольше не возвращаться назад. За день приходилось совершать два-три рейса, а то и больше, последний нередко уже в вечерние часы. При госпитале круглосуточно дежурила машина от таксопарка с водителем. Из-за продолженного карантина работы у таксистов по городу значительно убавилось, и они охотно соглашались на

подработку в госпитале. Чаще на дежурство присылали недавно полученные с завода новенькие светло-салатные «Волги» ГАЗ-24, которые подвергались дезинфекции в начале и в конце смены. Но иногда случались старенькие побитые машины с большим автопробегом.

Водителей всего набрали на четыре смены, и дежурили они сутки через трое. С первой поездки Максим сразу нашёл с одним из них общий язык. Едва передал анализы в лабораторию, как проработавший за рулём почти десяток лет Сёма тут же деловито спросил:

— Ну, что? Делаем программу?

Максим не сразу понял, что тот предлагает брать за плату попутных пассажиров. А когда таксист с некоторой досадой просветил непонятливого студента, тот снял халат и спрятал под сидение. В первый раз они подвезли двух человек гораздо дальше их госпиталя, а затем на обратном пути ещё одного. Выручку Семён разделил с ним побратски поровну. С его сменщиками из таксопарка вопрос быстро решился таким же образом.

Если Макс приходил в ночное дежурство, они успевали сделать хотя бы один рейс до лаборатории, а затем в поисках клиентов доезжали даже до центра города. На вырученные деньги закупали несколько бутылок крепёного вина и выставляли их на общий стол к ужину. Ночью машины не использовались, водители спали либо прямо в них, либо в свободной палате приёмника. Если изредка возникала необходимость консультации узких специалистов, те прибывали обычно на собственном транспорте. В экстренных случаях прибежали к вызову нужной по профилю бригады станции скорой помощи. Но такое произошло всего три-четыре раза.

Несколько его однокурсников работали тут же дезинфекторами. Им отвели даже отдельную комнатку, уставленную ёмкостями с концентрированными дезрастворами. На двери так и написали от руки: «ДЕЗИНФЕКТОРСКАЯ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЁН». Кроме подсобки, для них полагалось ещё молоко и дополнительная денежная надбавка за вредность. Но оказаться на их месте и всё время вдыхать, пусть даже через респиратор, приготовляемые и разбрызгиваемые ядовитые жидкости Максим ни за что не согласился бы.

Вход в приёмник устроили через запасную торцовую дверь трёхэтажного здания интерната, полностью занятого под госпиталь. Там-то на бетонных ступенях под козырьком он и проводил свободные минуты, которые, к его сожалению, выпадали не слишком часто.

Как-то почти к самому крыльцу, на котором он восседал, как наблюдатель на мачте корабля, подкатил густо-зелёный армейский уазик с красными крестами на боках. Из кабины торопливо выбрался мужчина средних лет в противочумном халате, резиновых сапогах и шапочке, врач или фельдшер — кто там его сразу разберёт! Кивнул подыавшемуся со ступеней Максиму, тут же спросившему:

— Откуда?

— Из Зеленги. Холерные. По санавиации.

Название оказалось знакомо. Село на одном из рукавов Волги в самых низах, ближе к раскатам. Его однокурсник рассказывал, как с отцом бывал в тех краях на рыбалке по весне. «В половодье там здорово всё заливают. Представляешь, у них даже пивбар на сваях стоит, как на Борнео каком-то. А пиво только в деревянных бочках, моча просто... Обидно за местных чуваков — рыбы там зашибись. Только на одной рыбе и живут».

— Так вам же не сюда! У нас только для контактных...

Сопровождавший больных не обратил на его слова внимания. Возможно, не поверил неавторитетно смотрящемуся студенту и сам прошёл в приёмник.

Открылась боковая дверца фургона, и оттуда с трудом вылез смуглый согнутый мужичонка с нездоровым цветом лица. Был он горбат с непропорционально длинными руками при укороченных ножках. Очумело обвёл мутными глазами нависшую торцовую стену госпиталя, боковой вход, Максима возле ступеней. И тотчас странной подпрыгивающей походкой, пошатываясь на ходу из стороны в сторону, устремился к приёмнику.

За ним выбрался парень в белом халате, извлекая из кармана пачку сигарет. Из салона наблюдали несколько напряжённых пар глаз, уазик оказался набит под завязку. Максим посчитал второго сопровождавшего за санитаря из бригады этой неотложки.

Уже на подходе странный тип вытянул вперёд руку для пожатия, от которой Максим увернулся, и, кое-как преодолев ступени, дурашливым дребезжащим тенорком выдал речитатив:

— Здорово, парнишка! Ступай себе мимо! Уж больно суров ты, как я погляжу...

При последних словах он вошёл в коридор, внезапно качнулся к стене и съехал по ней вниз, присев на корточки.

– Он что, пьяный или нарик? – поинтересовался Максим у закурившего коллеги.
– Не-а, никакой наркологии, – равнодушно затынулся коллега. – Алгидная форма холеры.

– Так вам точно не сюда! Даже не думай выгружать!

Тем временем вернулся врач или фельдшер, видимо, получив более весомое подтверждение словам Максима. Остановился возле горбуна и махнул рукой курящему подельнику. Тот сразу затушил сигарету, вдвоём они подхватили под мышки вяло сопротивлявшегося и распевавшего что-то уже совершенно невразумительное, кроме двух-трёх узнаваемо матерных слов, доходягу. Когда за ними захлопнулись дверцы, и заурчавший уазик начал разворачиваться, Максим торопливо прошёл в туалет и обработал руки хлорамином, хотя вовсе не касался больного.

Врач приёмника тут же позвал дежурного дезинфектора обработать входную часть коридора, площадку и ступени крыльца. Максим всё ещё не мог прийти в себя. Впервые за два года он увидел настоящего холерного. Сопровождавшему медику не было смысла врать. Алгидная форма – самая тяжёлая степень течения болезни. Наверняка спутанность сознания и неадекватность стали результатом обезвоживания организма и сгущения крови.

В одно из дневных дежурств Максиму велели заменить куда-то отправленную медсестру на заборе анализов. Учиться тут особо, оказалось, нечему. Взятие материала на форму тридцать не представляло никакой сложности.

Форма тридцать. Витой стержень из алюминиевой проволоки, нечто вроде пашлычного мини-шампура. Только на конец его водружён ватный тампон, охваченный куском марли, крестообразно затянутой нитками. Его использовали безо всякой смазки, чтобы получить мазок из конечного отдела прямой кишки. При завершении акта этот инструмент намертво вставлялся в стерильную пробирку со средой, на стенку которой стеклоглафом заранее наносился порядковый номер. После чего она вместе с другими ставилась в штатив и в медицинском биксе отправлялась на исследование в лабораторию. На те же самые посева в автоклавы, для работы с которыми в прошлом году его забраковал Чирок.

Но уж больно подобная процедура представлялась ему неудобной, а если поточнее, по-пацански выразиться – просто стрёмной. И вообще, как бы совершенно не для парня двадцати лет безо всяких садистских и прочих скрытных патологических наклонностей.

Всех контактных или подозреваемых на носительство нередко доставляли к ним в приёмник не только в сопровождении медиков, но и с милиционерами, которые не уезжали, пока их подопечный или подопечная не проходили все формальности и не отправлялись на койку. Охрана госпиталя, чтоб никто из находящихся в нём не сбежал, возлагалась уже на оцепление из служащих милицейского батальона, которых, как говорили, на период холеры находилось в Астрахани целых три. Максим узнал точно, что два из них были астраханским и минским из Белоруссии. Случалось, из госпиталя или обсерватора умудрялись сбежать сквозь оцепление, например, за выпивкой или просто искупаться. В таких случаях им лучше было не возвращаться назад, поскольку при поимке им и всем контактировавшим с ними срок пребывания в таком заведении продлевался на неделю на повторной сдачей анализов и получением тетрациклина, не говоря об административных взысканиях.

Максим третий час находился на столь неприятной работе, когда вместе с группой доставленных по направлению привезли симпатичную девушку примерно его лет. До сих пор если кто и пробовал ворчать или возмущаться, то таких быстро усмирлял присутствующий милиционер. Если же такие доставлялись в сопровождении одних медиков, то их быстро убеждали в необходимости требовавшейся процедуры в их же интересах. О всех случаях отказа сдачи анализа на форму тридцать немедленно сообщалось по инстанциям, и этим же отказникам потом дороже выходило. Многие и сами хотели поскорее пройти обследование, чтобы получить справку и оказаться на свободе или иметь возможность уехать из холерного города.

Максим заполнял список и в порядке очереди заводил обследуемых в одноместную кабинку туалета. Больные спускали штаны, и акт взятия материала производился. Он уже настолько успел свыкнуться с навязанной ему чужой работой, что появился определённый автоматизм, лишь бы быстрее исполнить необходимое и не смотреть на исследуемую задницу.

Но с этой девушкой вышло иначе. Он сразу почувствовал смущение, когда она прошла с ним в указанное место, демонстрируя явное нежелание подчиниться. Её направили на проверку безо всяких клинических проявлений, то ли как контактную, то ли собиравшуюся выехать после повторного карантина. Максим внезапно оробел и не знал, как к ней поступиться.

Девушка уничтожительно обожгла его серыми лучистыми глазами:

— Что? Вам нравится здесь работать? Вы от этого кайф, что ли, ловите?

Максим совершенно смутился. Как назло, сейчас в приёмнике не оказалось ни одной души, кого можно попросить провести процедуру вместо него. Он неуверенно возразил, будто оправдываясь:

— Нет, конечно... Нас же заставляют, я — студент, третий курс... — девушка продолжала смотреть с насмешкой, не собираясь облегчать ему задачу. — Но вам обязательно надо сдать анализ, от вас не отстанут... — Максим попытался убедить её, понимая, что этого не получится. — А, ладно! — сдался он под её презрительным молчалием и махнул рукой. — Вот вам, сделайте всё сами, только осторожно — это же проволочка, обёрнутая...

Он показал жестами, что надо делать, и плотно прикрыл дверь, оставив её одну в кабинке.

— Спасибо, — поблагодарила она минутой спустя, передавая готовую для анализа пробирку. — Подумайте, не стоит вам тут работать: вы же совсем не такой!

С опозданием он сообразил, что ей вообще достаточно было просто плюнуть в пробирку, тогда там всё равно высеются какие-то обычные микробы. Если бы среда осталась стерильной безо всякого материала, то при посеве сразу поймут, что никакой соскоб или мазок не брался.

Когда потом ему опять не удавалось увильнуть от столь неприятной для него работы, то молодым женщинам или девчонкам он так и советовал: плюнь в пробирку да закрой. И пошло оно всё на фиг!

Он продолжал встречаться с Наташей, которая закончила в этом году среднюю школу и неожиданно для Максима поступила в медицинское училище на фельдшерское отделение. Если бы он узнал о том раньше, то, скорее всего, попробовал бы отговорить от такого шага. Но она не сказала, пока не начала сдавать вступительные экзамены. Никогда прежде Наташка не проявляла интереса к медицине, он думал, ей захочется идти в пединститут, она училась в школе с английским уклоном и неплохо знала в пределах программы, конечно, этот язык. Скорее всего, выбор за неё сделала мать, у которой имелся блат в медучилище, а значит, гарантия, что дочь сразу поступит. Да и учиться там придётся недолго, после средней школы там зачисляли сразу на второй курс.

Теперь перед Максимом маячила перспектива — после окончания учёбы создать с Наташей медицинскую ячейку советского общества. Не очень-то вдохновляло, но пока такая возможность представлялась ещё слишком далёкой.

Всех зачисленных сразу же отправили на производственную практику санитарками. И по странному стечению обстоятельств она попала именно в приёмное отделение госпиталя к Максиму. Несколько раз он совпадал с ней, когда работал в дневную смену. Когда не особо нагружали поручениями, они вместе проводили время. У всех студентов медучилища протавлялся неполный рабочий день, и она освобождалась в совместные дежурства гораздо раньше него. А вскоре госпиталь свернули, холера явно шла на убыль, и интернат возвращался законным хозяевам.

Но Максима перекинули в другой, уже провизорный госпиталь, где, ввиду нехватки персонала, вписали медбратам на пост в полупустом отделении. С каждым днём количество свободных коек увеличивалось, объём работы уменьшался. Пациенты выписывались, а новые на освобождающиеся места почти не поступали. К концу второй недели и это временно развёрнутое в здании школы противохолерное заведение навсегда закрыли. Медики отправлялись по местам основной работы, а студенты на учёбу. Напоследок Максим забрал несколько упаковок с таблетками левомецетина, более сильного средства против холеры и прочих кишечных инфекций, чем ставший привычным тетрациклин. При сложившейся эпидобстановке подобное лекарство не помешает в домашней аптечке. К нему он присоединил три флакончика холосаса, неплохого желчегонного средства. Только густой сладкий сироп шиповника использовался персоналом вместо варенья, когда пили чай. Взять себе больше Максим постеснялся, да и это прихватил, только увидев, как поступают другие.

Первая зима после двух лет холеры принесла небывалые для их краёв холода за минус тридцать градусов. В школах, техникумах, институтах к огромной радости учащихся отменили занятия. Возможно, эти морозы окончательно и добились вслед за медицинскими мерами властей остатки Эль-Тора в речной воде, как немцев под Москвой и Сталинградом в зимы сорок первого и сорок второго года.

Вот так и случилось, что каникулы им продлили, но стипендию выплатили вовремя. У окошечка институтской бухгалтерии Максим встретил товарищей из группы, пришедших сюда, как и он, пораньше. Обоих звали одинаково Владимирами, но с первым они учились в одной школе. Этот Володя имел математические способности и родителей математиков, отец — преподаватель в пединституте, мать — его бывшая студентка, учительница в средней школе. Похоже, сын пошёл в медицинский

назло обоим, пытавшимся навязать ему выбранное за него будущее. С другим они познакомились уже в институте. Причём второй Вова оказался сыном директора местного издательства, и потому к нему сразу пристало прозвище Директор.

После того как в карманах появилась наличка, кто-то из них предложил махнуть по льду на городской остров, растянувшийся посреди Волги. Хотя идея показалась Максиму идиотской, он сразу, не раздумывая, присоединился. Там они намеревались разжечь костёр. То есть уже и цель перед собой поставили.

Спустились по заснеженной наледи каменной лестницы на сковавший реку надёжный лёд. День выдался солнечный и безветренный, но мороз всё настойчивее хватал за щёки и нос. Шли, почти не разговаривая, стоило открыть рот, в морозный воздух вырывались белые клубы выдыхаемого пара. Вода, похоже, промёрзла на полуметровую глубину, если не больше, но не лунку же долбить, чтобы проверить!

Когда миновали полпути, и чугунная загородка над высоким бетонным берегом уже казалась маленькой и далёкой, случилось непредвиденное. Слегка заснеженный участок льда перед ними ничем не отличался от других, позади, по сторонам, далеко впереди, равномерно припорошенных белым припорошённым настом. И когда они дружно сделали несколько очередных шагов, не меняя темпа движения, поверхность под всеми тремя внезапно разом ушла вниз. На просевшую и продолжавшую опускаться ледяную хлынула тёмная ледяная вода, уровень её быстро поднимался, моментально дойдя всем до пояса и не остановившись на том. Опасность обострила их восприятие и прочистила мозг так, что никто не успел запаниковать. Все разом плашмя упали назад и, отчаянно извиваясь телами и цепляясь пальцами в перчатках за мёрзлый лёд, принялись враспынную выползая в обратном направлении, прочь от коварно прятавшейся майны. Никому из них не понадобилась дополнительная помощь. Минута-другая, и все трое выбрались из воды на сохранный ледяной покров. Но ещё несколько метров продолжали продвигаться ползком в сторону города, прежде чем отважились подняться на ноги. Наконец, отдышались и смогли трезво оценить обстановку и только что происшедшее. Кроме облегчённого мата и прочих не запомнившихся потом выражений, у одного из троих вырвался нездоровый истерический смешок.

— А вам не показалось, что лёд, когда проваливался под нами, сказал: «У-у-ух-х!»? — бодро спросил Максим.

Прятели не приняли его шутки, он и сам понял, что сморозил глупость.

Продолжать намеченный путь к острову и пытаться обогнуть попавшуюся преграду никому уже в голову не пришло. Все сошлись на единственно подходящем объяснении. Если это действительно проделано прошедшим ледоколом, то же самое ждало их и справа, и слева. Ещё раз убедившись, что под ногами снова прочная ледяная твердь, дружно двинулись назад. Только теперь пришлось поспешать.

Ещё задолго до того, как вернулись к берегу, брюки каждого и полы зимней одежды покрылись толстой ледяной коркой. На очищенной тридцатиградусным морозом набережной, насколько хватало глаз, царил полное безлюдье.

У каждого из них зуб на зуб не попадал, стало понятно, что до дома в таком состоянии не добраться. Они, не сговариваясь, согласно устремились в сторону кафе с насмешливо манящей в такой мороз вывеской: «Лето». В тёплое время на площадке за решётчатым деревянным забором мог одновременно разместиться не один десяток посетителей. Однако сейчас от этого заведения общепита оставалось только небольшое помещение в двухэтажном доме с прилавком буфета и четырьмя столиками. В нём обнаружили две скучающие молодые официантки, одна из которых оказалась буфетчицей, и третья, дородная и румяная, похожая больше на повариху.

Все три мгновенно всполошились при виде трясущихся обледеневших посетителей со стучащими зубами. А когда выяснили, что произошло, то разместили их за ближайшим к паровой батарее столиком и посоветовали не стесняться, а немедленно просушить одежду на радиаторе. Парни, не переставая лязгать зубами, объяснили, что они студенты, и заверили в своей платёжеспособности. Догадливая буфетчица тут же по своему почину плеснула им в стаканы водки, сопроводив горячим кофе и свежеприготовленным салатом. Повариха объявила, что идёт разогревать щи, быстро вернулась и подсела к подругам.

После лечебных ста грамм появилось крепёное «Гратиешти», которым охотно угостились и работницы кафешки. Воспоминание только что пережитой опасности быстро развязало языки ребят гораздо лучше выпивки.

Максиму почему-то вспомнился когда-то высказанный укор вахтёра Валеры: «Сам же, Макс, постоянно создаёшь себе проблемы, которые потом сам и преодолеваешь!» Но их совершенно глупая сегодняшняя попытка перехода Волги в лютой мороз, едва трагически не закончившаяся, воспринималась теперь с юмором.

— А вы никак порыбачить, что ли, собирались? — поинтересовалась одна из хозяек.

— Да не, просто так пошли, — путешественники переглянулись и покатались со

смеху вместе с присоединившимися девушками.

— Искатели приключений, значит, — заключила понятливая буфетчица. — Фильм такой был итало-французский.

— Ага, с Аленом Делоном, — показал свою эрудицию Директор, зубы которого уже прекратили выбивать морзянку.

— Кто ищет, тот всегда находит на свою... — глубокомысленно заметила полнотелая повариха.

От нескольких не очень приличных анекдотов для знакомства разговор быстро перекинулся на другие предметы. Разумеется, не обошлись без холерной темы, которая не прекращала будоражить умы астраханцев и астраханок.

Вот тогда-то Володя Директор как бы по секрету и поделился слышанным от своего отца, вхожего к первому секретарю обкома партии, а проще, хозяину области, и его замам. Можно было, конечно, не принять всерьёз, пошутить, посмеяться и послать его куда подальше, но почему бы не послушать?

Согласно международному соглашению, в страны с не утихающей больше двух лет эпидемией для полной блокады очага вводятся войска других членов ООН и ВОЗ. Перспектива исполнять из-за холеры требования принятого и нашим государством договора представлялась унижительной и недопустимой. Начатая политика разрядки с предстоящим обменом визитами Никсона и Брежнева сделала невозможным односторонний отказ от принятых прежде международных медико-санитарных правил. Правительство представило отчёт о полной ликвидации холеры и заверило, что Советский Союз смог уже полностью справиться с эпидемией собственными силами.

Зарубежные эксперты не нашли в Астрахани незаменимых для страны промышленных производств. По сделанным расчётам выходило, экономически выгоднее целиком снести город и построить новый. Большая часть застройки представляет собой ветхие, царских времён деревянные домишки даже в центре. За исключением нескольких центральных улиц отсутствует ливневая канализация, очистные сооружения в плачевном состоянии. Ничто даже частично не отвечает общепринятым нормам санитарии. Было предложено целиком на средства международных благотворительных организаций возвести с нуля современный город в десятках километрах выше на правом берегу Волги и переселить туда всех астраханцев.

Этот план расценили очередной политической провокацией с целью унижить страну развитого социализма и показать мнимые преимущества западного образа жизни. Если Советский Союз мог собственными силами полностью покончить с холерой на своей территории, что мешает ему самостоятельно улучшить условия быта своих граждан?! Правительством уже принято решение, и теперь город ждут существенные перемены. Правда, какие именно, Директор ещё и сам не знал, но его уверенность придала всем слушателям бодрости и оптимизма.

Больше ни одна душа не заглянула в маленькое кафе, и они проболтали с общительными девушками почти до сумерек, пока одежда полностью не просохла, чего уже нельзя было сказать о внутреннем состоянии чуть не провалившихся под лёд путешественников. В медучилище из-за морозов тоже отменили занятия, и Максим обещал прийти к Наташе только на следующий день, поскольку сегодня её мама осталась дома из-за выпавшего на работе выходного. Хотя гостеприимные работницы кафе с каждым часом представлялись им всё симпатичнее и симпатичнее и благодарные спасённые напоследок обменялись со спасительницами номерами телефонов, никакого продолжения ни для кого из них не последовало.

Максим ничего не знал об упомянутом приятелем договоре. Не учили тому ни в школе, ни в институте между политэкономией и научным коммунизмом. Да и в его любимом еженедельнике «За рубежом» не встречалось ничего близко похожего. Вряд ли Володя Директор нёс пургу, взять и просто придумать — у него точно фантазии на такое не хватило бы. А если всё сказанное правда, то объясняло многое из потом происшедшего.

Действительно, потребовалось нашествие холеры, чтобы на Астрахань обратили внимание в столице. Региону выделили средства. Последние разбитые трамваи быстро заменили новыми. По указанию Москвы срочно разработали проект жилищного строительства и начали выполнять.

Так в черте города появился новый микрорайон, получивший название Юго-Восток под номером один. Через несколько лет по соседству такими же ударными темпами возведут Юго-Восток-2, а там подойдёт очередь и третьего. Сплошь одинаковые девятиэтажки, безо всяких изысков и фасадных прибабасов, собранные из панельных блоков, будто под копирку выпускаемых понастроеными комбинатами железобетонных изделий. Тут и там их тотчас разделяли полосами насаждаемых тополей.

До первого Юго-Востока протянули троллейбусную линию только несколько лет до этого появившегося нового для города электротранспорта. Все побывавшие потом в Астрахани руководители правительства с удовлетворением отмечали, что новый район невзрачных вблизи, но быстровозводимых и тут же заселяемых новостроек «очень хорошо смотрится с вертолѐта».

Но ещё прежде, уже в конце второго года пандемии, в Астрахани началась реконструкция и переоснащение северных очистных сооружений и строительство новых южных. Возвели по всем современным требованиям медицины новую инфекционную больницу в Покровской роще.

Пророческими, будто именно про Астрахань начала семидесятых, выглядят язвительные слова одесского эпидемиолога Н.Ф. Гамалея про свой город. Только вот незадача: в 1908 году написано!

«За те большие заслуги, которые холера оказывала и оказывает до сих пор санитарии, она занимает особое место среди других инфекций. Уже давно она заслужила название сподвижницы гигиены. Ещё правильнее назвать холеру верховным санитарным инспектором с неограниченными полномочиями... Можно смело утверждать, что до сих пор все, что сделано городом для обеспечения здоровья жителей, прямо или косвенно вызвано страхом перед холерой».

Со временем Максим разобрался в общей картине и масштабе холерной напасти. Что-то нашлось в газетах, чем-то поделились непосредственные участники. Холера вовсе не с неба свалилась на Астрахань, а подбиралась к ней не один год.

В советских СМИ не особо освещалось быстрое распространение по миру новой напасти. А если сообщали, объясняли результатом колониальной политики Запада в отсталых странах, лишённых элементарной санитарии. Первые случаи заболевания отметили в Индонезии на острове Сулавеси в 1961 году, затем в Макао и Гонконге, откуда холеру завезли в Саравак, а к концу того же года — на Филиппины. Это представлялось совершенно далёким от жизни советских граждан.

Однако уже в последующие четыре года холера Эль-Тор появилась на Тайване, в странах Юго-Восточной Азии, а позже в Южной Корее, Восточном Пакистане (Бангладеш), Африке. В 1964 году холерой Эль-Тор заболело около 20 тысяч человек в Южном Вьетнаме. Уже в следующий год она достигла Афганистана и Ирана, распространилась в районах, прилегающих к границам СССР. В середине того же 1965 года произошла первая вспышка этой эпидемии на территории СССР в Узбекистане в Каракалпакской АССР и Хорезмской области, о чём официально нигде не упоминалось.

По данным ВОЗ, к лету 1970 года число заболевших холерой за рубежом превысило миллион, а умерли от неё десятки тысяч. Эль-Тор из Ирана проник на территорию нашей страны через Кавказ и Астрахань, а из африканской Гвинеи, Индии или Индонезии, скорее всего, морским путём в Одессу. С главными портами этих стран — Конакри, Бомбеем, Калькуттой, Джакартой — черноморское морское пароходство имело многолетние связи. Не исключалась вероятность завоза инфекции в Одессу и воздушным путем. Поначалу подозревали в появлении Эль-Тора в «жемчужине у моря» астраханский след, но версия не подтвердилась. Все лабораторные исследования показали совершенно разные серологические типы вибрионов: в Астрахани — Инаба, а в Одессе исключительно Огава.

Не составило труда найти официальные данные первого года. В Астраханской области, принявшей на себя основной удар холеры, диагностировано 1270 заболевших, из которых 35 человек умерли. Кроме того, выявлено ещё 1120 вибрионосителей.

При Минздраве СССР создали Всесоюзную чрезвычайную противоэпидемическую комиссию с широкими полномочиями. К разработке мероприятий по борьбе с эпидемией привлекли ведущих учёных-медиков. В очагах действовали оперативные штабы из представителей власти, усиленные специалистами из других городов. В результате принятых мер к концу сентября холера на территории Астраханской области отступила.

Однако кульминацией пандемии в других странах стал следующий год. Если, по опубликованным данным, в 1970 год в мире зарегистрировали 45 тысяч больных холерой, то в 1971 год уже свыше 171 тысячи! Только в странах Азии в 1971 год выявлено 102 тысячи случаев холеры; наибольшая заболеваемость отмечалась в Индии, Индонезии, Бангладеш и на Филиппинах. В Африке поставлено 69 тысяч подтверждённых диагнозов, наибольшая заболеваемость отмечалась в Гане, Нигерии, Чаде, Нигере, Мали, Марокко, Камеруне, Верхней Вольте.

Если в Астрахани в первый год оказалось больше всего заболевших по сравнению с другими очагами внутри страны, то во второй 1971 год вполне закономерно их число должно было значительно сократиться. Дело в том, что медики подготовились встретить здесь вторую атаку уже во всеоружии. Кроме санитарно-карантинных мер, проводилась массовая профилактика тетрациклином, научились оперативно

боротся с летальным обезвоживанием организма при алигидной форме, появилось три вида противохолерных вакцин. Но вот беда — статистики 1971 года по холере в Астрахани нигде не найти. Даже по Одессе, втором главном очаге начала пандемии в стране, приводятся данные областной санэпидстанции — число заболевших в августе-сентябре 1971 не достигло и полутора сотен человек, из которых умерло 20. О смертях же в Астрахани в это время ничего не сообщалось, если даже они имели место, то единичные. Можно допустить, что их не было вовсе, иначе «сарафанное радио» не замолчало бы такие новости. Но с годами в редких официальных упоминаниях о холере или в «воспоминаниях очевидцев» Максиму попадались только одни и те же, как бы сами собой разумеющиеся утверждения, что холеру в Астрахани победили за два месяца в 1970 году! Такое вполне объяснялось тем, что поведал когда-то Володя Директор.

Но если бы это было на самом деле так, для кого, интересно, на второй год снова развёртывалась сеть десятков госпиталей и обсерваторов с оцеплением из военнослужащих? Через них опять прошли тысячи, а может, и десятки тысяч леченных и обследуемых. Почему тогда снова вводились карантинные запреты на купание, рыбную ловлю, пользование моторками?

Может, ещё одна причина замалчивания действительной обстановки в том, что в 1971 год холера Эль-Тор обнаружилась в странах Европы: Португалии, Испании, Франции, Швеции. А значит, это заболевание оказалось уделом не только отсталых развивающихся стран с низким санитарно-гигиеническим уровнем жизни! И как захотелось сразу утереть нос этим проклятым капиталистам, показав, насколько легко и окончательно советская медицина расправилась с этой инфекционной напастью, в отличие от них! Но было совсем не так. Максим прекрасно помнил странного горбуна с алигидной формой из Зелени, в августе семьдесят первого доставленного по ошибке вместо инфекционного к ним в контактный госпиталь. Хотелось верить, что его довезли куда положено и спасли, успев начать введение солевых растворов.

В следующем, уже третьем с начала пандемии 1972 году карантин не потребовался, как и новое развёртывание сети временных госпиталей и обсерваторов. То, что с холерой в Астрахани покончили, косвенно доказывала и отправка Максима со всеми его однокурсниками на сестринскую производственную практику в обычные стационары города. Учебным планом предусматривалось обучение студентов навыкам среднего медперсонала по две недели в терапевтическом, хирургическом и гинекологическом отделениях.

Вот только годом позже случайно попала на глаза Максиму такая заметка: «В связи с эпидемией холеры 27 июня 1972 года, приказом №420 по Астраханскому Горздравотделу, на основании решения городской ЧПК №16 от 21 июня 1972 года, на базе больницы им. Бехтерева был развернут холерный госпиталь на 320 коек».

Выходит, не всё оказалось так радужно, как в победных реляциях, а холера в Астрахани не исчезла, а продолжалась и третий год подряд?! Наверняка не в таких масштабах, как в первые два года, но тогда в каких? Значит, были и ещё заболевшие, вот только статистика по ним отсутствует, как и полностью за предыдущий сезон.

Ещё в свободные часы между дежурствами в незакрытом временном госпитале Максим пытался набрасывать на бумаге рассказы об интересных случаях из недавней практики. Он добавлял их к уже имевшимся литературным пробам. Но только через год собрался с духом отослать в редакцию журнала «Юность». И хотя не особо ожидал отклика на исписанные от руки листы, про себя надеялся: а вдруг?

Ответ действительно пришёл через месяц. Он вернулся домой с начавшихся две недели назад занятий и нашёл в почтовом ящике большой конверт «Юности».

От волнения, прежде чем ознакомиться с приговором, закурил болгарскую сигарету с фильтром из припасённой на всякий случай заначки. Хотя он так и не научился затягиваться, просто не мог себя заставить, тем более, не приобрёл зависимости от этой пагубы, но держал в кармане давно вскрытую пачку, так, на всякий случай. Сейчас момент показался подходящим.

На типографском мелованном бланке журнала под отпечатанной зелёной краской шапкой скудно смотрелись несколько машинописных строк за подписью литконсультанта «Юности» с ничего не говорящей фамилией: «Присланные рассказы нам не подошли. Вам предстоит много работы над стилем. Больше читайте классиков и просто хороших современных писателей. Не огорчайтесь: всё ещё впереди».

Максим перечитал сообщение несколько раз, особенно последнее, милостынею оброненное «всё ещё впереди». Страхнул на него наросший на кончике сигареты пепел. Неожиданно в голову пришло вызванное «отлупом» журнального литконсульта возражение: «Зато холера уже позади!» Одно он знал совершенно точно: благодаря знакомству с этой инфекцией навсегда избавился, как и многие астраханцы, от привычки пить сырую воду.